ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

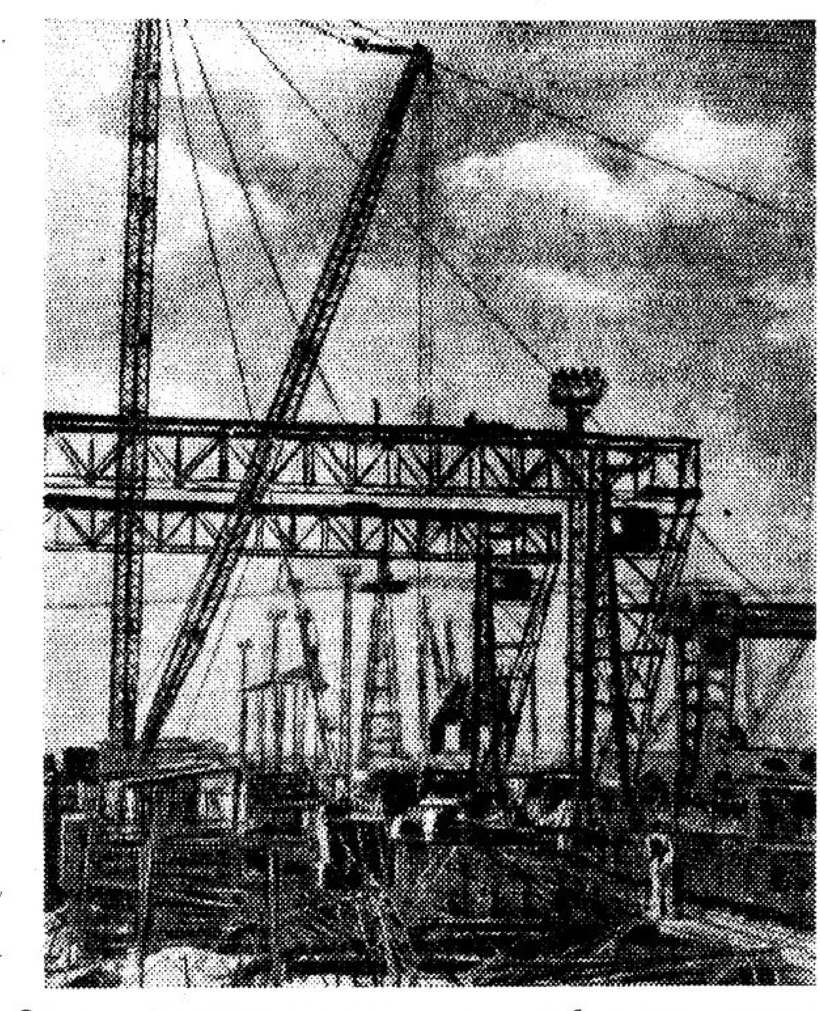
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 99 (3128) Четверг, 20 августа 1953 г. Цена 40 коп.

В беседе с нашим корреспондентом...

НА КУЙБЫШЕВГИДРОСТРОЕ

Завтра исполняется три года со дня опубликования постановления Совета Министров Союза ССР о строительстве Куйбышевской гидроэлектростанции на Волге.

Земляные работы на правом берегу реки — в котловане под здание гидроэлектростанции — вступили в завершающую фазу. Один край котлована проходит по крутому берегу, другой — более чем на триста метров вдается в русло реки. Русловая часть отгорожена от Волги гигантской полуподковой перемычки, созданной из грунта, камня и стального шпунта. Экскаваторы черпают вязкий глинистый грунт с бывшего дна реки.

Продолжается осушение котлована. Непрерывно действуют насосы глубинного водоотлива, сбрасывая по трубам в Волгу сотни тысяч кубометров грунтовых вод. Множество самосвалов снует по лабиринту дорог. Около шести миллионов кубометров земли вывезли они из котлована. Некоторые экскаваторы работают уже на глубине 25 метров ниже дна Волги. На днях строители начали укладывать бетон в основание гидроэлектростанции.

В ознаменование третьей годовщины строительства экскаваторщики и водители самосвалов решили увеличить суточную выемку грунта из котлована с 20—25 тысяч до 30 тысяч кубометров. До наступления первых осенних заморозков строителям предстоит закончить все земляные работы и до конца года уложить в основание сооружения гидроузла сотни тысяч кубометров бетона.

В беседе с корреспондентом «Литературной газеты» главный инженер строительства Куйбышевской ГЭС Н. Разин рассказал:

— Начинается новый этап строительных работ — массовая укладка бетона. Строители левобережного района, закончив бетонирование днища левого судоходного шлюза, уже возводят его стены. Строители сооружений правого берега должны в ближайшее время в несколько раз повысить темпы укладки бетона в основание гидроэлектростанции.

Для укладки огромных масс бетона необходимо ввести в действие полтора десятка мощных бетонных, камне-щебеночных и арматурно-сварочных заводов, завершить монтаж канатной дороги, бетоновозных эстакад, всевозможных кранов и достроить подъездные железнодорожные пути. Уже действуют три автоматических завода производительностью в шесть тысяч кубометров бетона в сутки. Монтируется еще шесть бетонных заводов; они будут введены в эксплуатацию к концу года. С пуском этих заводов потребность в бетоне будет полностью удовлетворена.

Для приготовления бетона потребуется большое количество щебня. Один из камне-щебеночных заводов на правом берегу уже построен и работает. Он оснащен первоклассным оборудованием и полностью автоматизирован. Производительность завода — 600 тысяч кубометров щебня в год. На левом берегу Волги монтируются еще два таких завода. Одновременно расширяются уже действующие и монтируются новые арматурно-сварочные заводы.

На эксплуатации и монтаже бетонных, камне-щебеночных и арматурно-сварочных заводов занят многочисленный отряд опытных инженеров, техников и рабочих, которые прошли большую производственную школу на строительстве Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина и Цимлянского гидроузла.

Быстро смонтировать и ввести в действие весь сложный комплекс предприятий — неотложная задача строителей. Не менее важно связать этот комплекс воедино. Пока что бетон подвозится к месту укладки в самосвалах. Необходимо ускорить пуск бетоновозных эстакад, подъездных железнодорожных путей, кабель-кранов, бетононасосов.

Страна снабжает строительство Куйбышевской ГЭС машинами и механизмами. Что ни день, то все новые и новые башни подъемных кранов, мачты канатной дороги, каркасы бетонных заводов, эстакад поднимаются над строительными площадками на обоих берегах великой русской реки. Все новые и новые десятки вагонов и барж с могучей техникой прибывают на железнодорожные станции и в речные порты Куйбышевгидростроя.

На снимке: Куйбышевгидрострой. Территория арматурно-сварочного завода в Жигулевске. Здесь день и ночь сверкают огни электросварки; готовятся первые фермы, блоки металлоконструкций для здания гидроэлектростанции.

Фото Н. Финикова

Две тысячи лечебных учреждений

В этом году в нашей стране строится две тысячи новых больниц, поликлиник, родильных домов, детских садов, яслей, санаториев. Как идет строительство этих лечебных учреждений, чем они будут отличаться от существующих? На этот вопрос корреспонденту «Литературной газеты» ответил начальник Главного управления строительства Министерства здравоохранения СССР Г. Назаренко.

— На окраине Москвы, в красивой лесо-парковой зоне близ села Энтузиастов, строится больница на четыреста мест. От существующих больниц она будет отличаться своей многоэтажностью. Главный корпус — десять этажей, боковые — по девять. Авторы проекта архитекторы Н. Прохоренко, М. Идельсон и А. Крипна удачно разместили лечебные кабинеты, операционные, палаты, каждая из которых рассчитана на одну или две койки. Кухня больницы будет находиться на десятом этаже, что предотвратит проникновение в палаты кухонных запахов. Лифты обеспечат быстрое размещение больных по этажам.

Строит больницу Министерство нефтяной промышленности СССР. Уже закончена кладка первого этажа; к концу будущего года больница должна быть введена в эксплуатацию.

В Кузбассе, в городе Сталинске, возводится здание больницы металлургического комбината на полторы тысячи мест. Это будет крупный больничный городок. Для него отведен участок в будущем центре Сталинска.

Больница получит новейшую аппаратуру и оборудование. Подсобные помещения — центральная кухня, прачечная, гараж, жилой дом для медицинского персонала расположатся в зоне больничного городка.

В будущем году закончится строительство больницы на 650 мест в Сталинграде. Больницы на 500 мест строятся в Йошкар-Оле, на 400 мест — в Благовещенске, Улан-Удэ, Костроме, Красноярске, Орле, Свердловске, Смоленске. В этом году будет восстановлена разрушенная фашистскими оккупантами клиническая больница на 400 мест при Минском медицинском институте.

Лечебные учреждения строятся и в сельских районах страны — на Алтае, в Башкирии, Архангельской, Вологодской и других областях. Все они будут иметь хорошо оборудованные лечебные кабинеты, светлые, просторные палаты, водопровод, канализацию, центральное отопление.

Во многих городах расширяется сеть родильных домов, детских больниц, яслей. В Усть-Каменогорске строится родильный дом на 60 мест. В Иванове новый родильный дом будет готов в этом году. Детские больницы возводятся в Минске, Молодечно, Улан-Удэ и других городах. Детская больница на 75 мест вскоре вступит в строй в Ашхабаде.

Большое внимание уделяется строительству санаториев и домов отдыха. Новыми здравницами обогатятся в ближайшие годы Грузия, Азербайджан, Армения.

Следует отметить, сказал в заключение Г. Назаренко, что некоторые союзные министерства, например, машиностроения, химической промышленности, морского и речного флота, легкой и пищевой промышленности, строят подведомственные им лечебные учреждения крайне медленно.

ПЧЕЛЫ И УРОЖАЙ

Вл. ПОНЕДЕЛЬНИК, собственный корреспондент «Литературной газеты»

1. Пчела не только дает мед и воск. Неоценимо ее значение в сельском хозяйстве как «делателя» урожая. Если нет насекомых-опылителей, то подсолнечник, гречиха, вишня, яблоня, груша, арбуз, дыня, огурец, тыква и многие другие растения осыпаются пустоцветом. Пчела — главный опылитель этих растений.

Собирая на один рубль меда и воска, пчелы одновременно «делают» на полях, огородах и в садах на десять-пятнадцать рублей урожая...

Несколько лет используют пчел для опыления сельскохозяйственных растений в колхозе имени Калинина Тамбовской области. В прошлом году здесь с каждого гектара подсолнечника получили дополнительный урожай по 3,5 центнера. По 3 центнера с гектара дала прибавки гречиха в колхозе «Авангард» Удмуртской АССР.

Пчеловодство справедливо считается одной из доходных отраслей сельского хозяйства. Во многих колхозах и совхозах страны из года в год получают от каждой пчелосемьи до 100 килограммов меда и свыше одного килограмма воска. Пасеку в 60—70 ульев обычно обслуживает один человек...

Я несколько раз бывал в колхозе имени Сталина Сальского района, Ростовской области. Здешний пчеловод А. Яицкий в 1952 году получил от каждой из 70 пчелосемей по 101,5 килограмма меда и по 1,6 килограмма воска. Это самый высокий медовой сбор в Ростовской области!

В управлении пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР рассказывают о крупных успехах других колхозных пчеловодов республики. В колхозе имени Андреева Алтайского края пчеловод Д. Качеев в прошлом году получил от каждой пчелосемьи по 107 килограммов меда. В колхозе имени М. Горького Башкирской АССР от каждой из 80 пчелосемей взяток меда составил по 90 килограммов. Высокими медосборами на Ставропольщине славится колхоз имени Ворошилова Невинномысского района. В минувшем году доход от пчеловодства составил здесь почти полмиллиона рублей.

Наша страна занимает первое место в мире по сборам меда и воска, по применению пчел для опыления сельскохозяйственных растений. Есть края и области, где каждый колхоз имеет пасеку. В Приморском крае, например, нет ни одного колхоза без пчел. В Кемеровской области пасеки имеют 98 процентов колхозов, в Татарии — 96, в Краснодарском крае — 93 процента.

И все же следует признать, что пчеловодство, хотя в этом деле и достигнуты заметные успехи, продолжает оставаться одной из отстающих отраслей сельского хозяйства. В Ярославской области, например, больше половины колхозов вовсе не занимается пчеловодством; к тому же почти все здешние пасеки — карликовые, в 10—20 ульев. Не лучше с пчеловодством и в Новгородской, Ленинградской, Псковской, Калининской областях. Очень мало пасек в колхозах и совхозах Литвы, Эстонии и Латвии. Даже в Молдавии, в республиках Средней Азии и Закавказья, где и корм для пчел имеется в изобилии и климат благоприятен, пчеловодство не получило широкого развития.

Но и в тех республиках и областях, где, казалось бы, достаточно пасек, товарность пчеловодства все еще крайне низка. В передовых колхозах собирают за сезон по сто и больше килограммов меда от каждой пчелосемьи, в то же время во многих местах взяток меда исчисляется десятью-двенадцатью килограммами. Далеко недостаточно используются пчелы и для опыления сельскохозяйственных растений.

Откуда эта пестрота? В чем причины отставания пчеловодства и его низкой товарности?

2. В Ростовской областной конторе пчеловодства рассказывают, что во многих колхозах Глубокинского, Багаевского, Мечетинского, Романовского, Орловского и других районов только за год сменилось по три-пять заведующих пасеками. Нередки случаи, когда пчел доверяют людям, которые не справляются с какой-либо другой работой в колхозе.

— Частая сменяемость работников пасек, — говорит главный агроном управления пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР тов. А. Нуждин, — одна из серьезнейших причин крупных недостатков в развитии этой отрасли хозяйства.

Государство ежегодно тратит большие средства на обучение пчеловодов. В РСФСР, например, при четырех техникумах имеются отделения пчеловодства, работает 46 одногодичных школ заведующих пасеками. Только в прошлом году по республике было подготовлено на курсах около 17 тысяч работников пасек. Где же эти люди? Чем они занимаются? На эти вопросы вам не ответят ни в областных конторах пчеловодства, ни в управлении пчеловодства министерства. В сельскохозяйственных органах никто не проверяет, как используются обученные кадры пчеловодов. После того, как они окончат техникумы, школы или курсы, их никто не собирает, не заботится о дальнейшем повышении их квалификации.

Первым советчиком и учителем рядового пасечника должен быть специалист-пчеловод со средним или высшим образованием. Но с этими кадрами происходит нечто странное. Пчеловодство в стране развивается и будет расти из года в год, а вот агрономов-пчеловодов становится все меньше и меньше.

До прошлого года существовало правило, по которому на одну тысячу пчелосемей в районе (колхозных, совхозных и индивидуальных) полагался один агроном-пчеловод. В 1952 году в это правило была внесена «поправка». Теперь агроном-пчеловод полагается лишь тем районам, где в одних лишь колхозах имеется тысяча пчелосемей. Вот несколько примеров того, к чему это приводит. В Белоруссии работало 132 агронома-пчеловода, сейчас не осталось ни одного. Нет их теперь в Эстонии, Литве, Туркмении и Таджикистане. По РСФСР количество таких специалистов уменьшилось на 61 процент. А в Узбекской ССР даже в Министерстве сельского хозяйства и заготовок не найти сегодня агронома-пчеловода.

Пчеловодством во многих районах, областях и республиках попросту некому заниматься. Сплошь и рядом это вынуждены делать в порядке дополнительной нагрузки агрономы-овощеводы, землеустроители, виноградари, гидромелиораторы.

Говорят, что издавна пчеловодством занимались ветеринарно-зоотехнические работники. Оно и понятно: кормление, содержание и уход, борьба с болезнями пчел ближе и понятнее зоотехникам и ветеринарам. Но Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР почему-то возложило эту обязанность на агрономов-растениеводов. Правда, в приказах министерства не раз отмечалось, что ветеринарная служба должна бороться с болезнями пчел. К сожалению, приказы эти похожи больше на формальную отписку. Ведь даже в действующем «Уставе ветеринарной службы СССР» о пчеловодстве ничего не говорится.

В колхозах Дона и Кубани мне приходилось слышать жалобы пчеловодов на то, что многие специалисты МТС, районных и областных управлений сельского хозяйства и заготовок не заглядывают на пасеки. Редко бывают на пасеках и ветеринарно-зоотехнические работники. Почему? Потому, отвечают жалующиеся, что они плохо знают пчеловодство. Ведь в агрономических и зоо-ветеринарных институтах из-за перегрузки программы прекратили чтение курса пчеловодства. В свое время при трех институтах были специальные кафедры пчеловодства. Потом бывшее Министерство высшего образования их потихоньку ликвидировало, а Министерство сельского хозяйства этого даже не заметило. Лишь в Московской сельскохозяйственной академии имени Тимирязева сохранилась такая кафедра, но и здесь курс пчеловодства читается факультативно.

3. Пчеловоды справедливо жалуются на плохое материально-техническое снабжение пасек. Попробуйте, скажем, в Узбекской ССР приобрести для пасеки какой-либо инвентарь, вощину или ульи. Времени потратите много, а цели не достигнете. Дело в том, что в республике нет организации или людей, которые занимались бы этим важным делом. Это типично не только для Узбекистана. Ни в одной из союзных республик, кроме РСФСР и Украины, нет контор или межрайонных отделений пчеловодства, на которые возложены функции материально-технического снабжения пасек.

Инвентарь для пасек производят только два завода — Таганрогский в РСФСР и Дергачевский на Украине. В Таганроге выпускаются медогонки двух типов, солнечные воскотопки, пасечные ножи и стамески, дымари, воскопрессы, маточные клеточки, ситечки для процеживания меда, рамочные дыроколы, вощина. Чрезвычайно нужный инвентарь изготовляет и Дергачевский завод. Но названные заводы не дают нашему пчеловодству всего того, что могут и должны давать. Дергачевский завод, например, только четверть продукции выпускает для пасек, а остальные 75 процентов (различный инвентарь) — для МТС.

Заводом в Таганроге руководит Министерство сельского хозяйства и заготовок РСФСР, и руководит, скажем прямо, поверхностно, неквалифицированно. Товарищи из министерства удовлетворены тем, что предприятие выполняет установленный план. Их не волнует, что ассортимент изделий, выпускаемых Таганрогским заводом, крайне ограничен, далеко не удовлетворяет потребностей пчеловодов. В министерстве мирятся и с тем, что качество продукции этого завода вызывает много нареканий. Пчеловоды не без оснований говорят, что Таганрогский завод выпускает такую продукцию, которая производилась кустарями еще в прошлом веке. Да и сам завод скорее похож на полукустарные мастерские с примитивным оборудованием и весьма ограниченной производственной площадью, нежели на современное предприятие.

А Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР, куда из всех союзных республик поступают жалобы на нехватку пчеловодного инвентаря, считая завод в Таганроге «не своим», не вмешивается в его деятельность.

Плохо снабжаются пчеловоды не только инвентарем. Не хватает ульев, особенно двухкорпусных. Приведем одну из многочисленных жалоб — пасечника колхоза имени Молотова Ростовской области Н. Солодовника:

— В прошлом году мы недобрали около трех тонн меда. Недобрали из-за нехватки ульев, рамок и посуды для хранения меда. Купить этого нигде нельзя, а в колхозе нет материала, чтобы самим сделать...

Главными поставщиками ульев были предприятия Министерства лесной и бумажной промышленности СССР. И поставщиками плохими. По плану 1952 года они должны были дать пчеловодам 95 тысяч ульев, а дали только 48 тысяч. Не был выполнен и план пяти месяцев нынешнего года, после чего предприятия названного министерства стали производить лишь черновую заготовку ульев.

Значительное количество ульев должна изготовлять местная промышленность, но и она с этим не справляется. Да и стоимость ее продукции очень высока.

Серьезного улучшения требует материально-техническое снабжение как колхозного, так и индивидуального пчеловодства. Индивидуальным пасечникам еще труднее, чем колхозным, купить ульи, рамки, вощину и инвентарь...

Пчеловоды давно сетуют на неразбериху в организации и оплате труда работников пасек. Что ни союзная республика или область, говорят они, то свои порядки в этом деле. И порядки часто неправильные. Во всех отраслях колхозного производства оплата труда поставлена в прямую зависимость не только от выполнения норм выработки, но и от урожая, от увеличения поголовья скота и роста его продуктивности. Передовики всех отраслей сельского хозяйства поощряются за высокие показатели в работе. И только в пчеловодстве ничего этого нет.

В РСФСР действует «Инструкция по организации и оплате труда на колхозных пасеках», утвержденная еще в 1939 году. Инструкция эта составлена так, что работники пасек не чувствуют материальной заинтересованности в увеличении пчелосемей, в высоком сборе меда и воска. Труд пасечника, согласно инструкции, оплачивается следующим образом: свыше 60 процентов запланированного расхода трудодней приходится на работы по уходу за пчелами и меньше одной трети — на прирост пчелосемей и высокую товарность.

Инструкция содержит и другие грубые ошибки. Она, например, предусматривает более повышенные расценки за работу на мелких пасеках... По всем отраслям общественного хозяйства председатель колхоза получает материальное поощрение за перевыполнение планов, и только за пчеловодство он не получает ничего. И так не только в РСФСР. Во многих других союзных республиках за образец взяли эту, во многом устаревшую инструкцию.

Знают ли обо всем этом в Министерстве сельского хозяйства и заготовок СССР? Оказывается, знают. Управлению пчеловодства Министерства сельского хозяйства и заготовок РСФСР было поручено разработать новую «Инструкцию об организации и оплате труда на колхозных пасеках». Три года велась эта работа. Проект инструкции был обсужден с работниками 300 колхозных пасек. От 180 колхозов из разных районов страны были получены замечания и дополнения к ней. И что же? Пока все осталось по-старому. Новой инструкции пчеловоды не получили.

4. Работники колхозных пасек, специалисты и руководящие работники пчеловодства нередко вспоминают Всероссийское совещание пчеловодов в 1946 году. Руководители тогдашнего Министерства сельского хозяйства СССР говорили на совещании о необходимости всемерно развивать пчеловодство. Но никаких серьезных перемен после этого совещания не произошло.

Мы спрашивали у многих пчеловодов, какую конкретную помощь получают они от Министерства сельского хозяйства и заготовок СССР. И получали краткий ответ:

— Никакой!

Работники отдела пчеловодства занимаются преимущественно только сбором разного рода сведений и отчетов. Все вопросы по пчеловодству решаются без них. За последние три года коллегия министерства ни разу не слушала этот отдел по вопросам, связанным с развитием пчеловодства в стране.

Местные работники жалуются на то, что Министерство сельского хозяйства и заготовок СССР редко созывает их, не советуется с ними, плохо пропагандирует опыт передовиков. Главное управление сельскохозяйственной пропаганды и отдел пчеловодства министерства не издают плакатов, учебных пособий, брошюр для пчеловодов.

Не уделяется внимания переподготовке и повышению квалификации руководящих работников пчеловодства. В минувшем году должны были состояться курсы-семинар для этих работников. Между союзным министерством и министерством Российской Федерации несколько месяцев шла переписка, где проводить этот семинар — в Москве или в каком-либо другом городе. Пока шла переписка, закончился год.

***

У нас имеются все возможности для того, чтобы в ближайшие годы создать пасеку в каждом колхозе и совхозе. Как показывают многочисленные факты, эта задача выполняется пока неудовлетворительно. И объясняется это прежде всего недооценкой пчеловодства в самом министерстве и его местных органах.

Вряд ли найдутся такие руководители сельскохозяйственных органов, колхозов и совхозов, которые не признавали бы значения пчеловодства как доходной и необходимой отрасли хозяйства. Но ведь этого мало. Нужны и усилия, чтобы каждый колхоз и совхоз имел хорошую пасеку. В этом заинтересован весь народ.

РОСТОВ-на-ДОНУ — МОСКВА

Международные отклики

ЧТО ДУМАЮТ В ГЕРМАНИИ О СОВЕТСКОЙ НОТЕ

Начиная с понедельника, вся Германия обсуждает советскую ноту. В Германской Демократической Республике, в демократическом секторе Берлина, в Западном Берлине и Западной Германии — повсеместно можно наблюдать одну и ту же картину: население осаждает газетные киоски, желая как можно быстрее познакомиться с развитием событий. Газеты раскупаются нарасхват. В Западной Германии, как сообщает одна фирма, занимающаяся распространением периодических изданий, розничная продажа газет после опубликования советской ноты увеличилась на 20 процентов. Содержание советской ноты опубликовано в западногерманских газетах различных направлений.

На промышленных предприятиях Германской Демократической Республики, в деревнях, в помещениях квартальных и домовых комитетов в эти дни проходят многолюдные собрания. Трудящиеся оживленно комментируют предложения правительства СССР по германскому вопросу.

По мнению всех честных немцев, советская нота — замечательная инициатива в разрешении проблемы мирного объединения Германии. Она еще раз доказывает искреннее стремление Советского Союза разрешить этот вопрос. С кем ни заговоришь в эти дни, неизменно слышишь от каждого, что советская нота указывает реальные пути для достижения мирного урегулирования германской проблемы.

Сейчас на самых крупных предприятиях Германской Демократической Республики гостит советская рабочая делегация. Во время встреч с немецкими рабочими часто завязываются оживленные разговоры. Такой товарищеский обмен мнениями состоялся вчера на заводе фрезерных станков имени Фрица Геккерта в Карл Маркс-штадте, куда приехали ленинградские рабочие. Хозяева окружили многолюдной массой своих гостей — советских товарищей. Почти у каждого в руках была газета с текстом советской ноты. Весь коллектив завода горячо одобрил мирную инициативу Советского Союза.

Бывший канцлер Германии Иозеф Вирт, председатель «Союза немцев», заявил по поводу ноты: «Она дает каждому сознательному немцу чувство твердой уверенности и заставляет западные державы занять теперь ясную позицию».

Аналогичное мнение высказал и председатель общегерманской народной партии, бывший министр внутренних дел боннского правительства Густав Хейнеман. Он выразил свое убеждение в том, что предложенные Советским Союзом «переговоры великих держав и общегерманское совещание являются единственным путем, который ведет к мирному решению германской проблемы». Хейнеман считает, что ни в коем случае нельзя позволить запугать себя трудностями. «Самые длительные переговоры лучше самой короткой атомной войны. Третья мировая война привела бы нас лишь к «воссоединению» в массовой могиле».

Огромный интерес, с которым немецкий народ встретил советскую ноту, еще более увеличил, судя по всему, замешательство боннской клики. Об этом свидетельствуют противоречивые высказывания представителей правительства Аденауэра. Одни из них называют ноту «сенсацией», другие в это же время пытаются уверить, что нота «не содержит ничего нового».

Господин Аденауэр убеждается с каждым днем, насколько ненавистна всем честным немцам его раскольническая политика. И тем не менее он, предварительно посоветовавшись, конечно, с американским верховным комиссаром Конэнтом, осмелился заявить, что советская нота «неприемлема».

Неудивительно, что даже в кругах христианских демократов наблюдается весьма резкое расхождение взглядов. Например, официальный орган западноберлинских христианских демократов газета «Дер таг», в противоположность Аденауэру, заявила: «Конечно, нельзя отмахнуться от этой ноты путем непродуманных заявлений». Газета считает, что надо создать ясность в вопросе о будущем Германии и что это может сделать конференция великих держав.

Эрнст Леммер, председатель фракции христианских демократов в западноберлинском магистрате, был осмотрительнее своего шефа в Бонне, когда он сказал: «Несомненно, сейчас приближается тот момент, когда на путях дипломатии должна быть сделана серьезная попытка выяснить вопрос объединения Германии».

Один из главарей фашистской немецкой партии Меркац заявил, что советские предложения, если они будут осуществлены, могут... «разрушить систему Атлантического пакта и Европейского оборонительного сообщества...». Но в том-то и дело, что немецкий народ отвергает эту агрессивную «систему», а заодно с ней и реваншистов.

Руководство социал-демократической партии Западной Германии выжидало 48 часов прежде, чем выступить со своим заявлением по поводу советской ноты. Наконец председатель правления этой партии Эрих Оленхауэр высказался в том духе, что наибольшего внимания заслуживает тот факт, что нота посвящена только германской проблеме. Он заявил, что нужно наконец перейти от обмена нотами к созыву конференции четырех держав. Оленхауэр подчеркнул, что, по его мнению, Советский Союз придает серьезное значение по меньшей мере определению общих принципов воссоединения Германии.

Советское правительство, как известно, в своей ноте западным державам выражает уверенность, что мирная конференция может быть созвана на протяжении ближайших 6 месяцев. А это значит, что ближайшее полугодие, по единодушному мнению всех честных немецких патриотов из Западной и Восточной Германии, будет иметь решающее значение не только для Германии, но и для Европы, для дела сохранения мира во всем мире.

Решается вопрос о судьбах Германии. Поэтому миллионы немцев приветствуют в эти дни программу мирного воссоединения Германии, развернутую в ноте Советского правительства: «Никто не может отрицать, что возрождение Германии, как великой державы, достойной занять соответствующее место среди других держав, возможно только на пути мирного и демократического развития германского государства, на пути дружественного сотрудничества с другими государствами, стремящимися к укреплению мира и международной безопасности».

Что сейчас должны делать немцы?

Президент Германской Демократической Республики Вильгельм Пик в своем обращении по радио к немецкому народу ответил на этот вопрос просто и ясно: «Начнем с ближайшего и самого простого — с общегерманского соглашения».

Теодор ВАЛЬДЕН

БЕРЛИН, 19 августа. **(По телефону)**

У озера Иссык-Куль

Тихое утро. Дремлет озеро Иссык-Куль. Не шелохнутся листья в саду. Над горами ярко разгорается заря, в цветнике, на красных розах бусинками вспыхивают капли росы. Посвистывает иволга, в тополях щебечут воробьи. Валерик Вавилов подносит к губам пионерский горн. Над лагерем разносятся звуки трубы. Подъем.

Загорелые малыши выбегают на площадку. Утренняя зарядка. Потом умывание холодной водой, линейка, вкусный завтрак в столовой. Детский санаторий Чолпон-Ата встречает новый день.

Песчаный пляж. Хорошо здесь поваляться на солнышке, а потом с разбега нырнуть в прохладную воду, порезвиться, поплавать. На спортивной площадке идет соревнование волейболистов, легкоатлетов. Юные балерины разучивают к пионерскому сбору новые танцы, драматический кружок репетирует пьесу, а группа девочек, рассевшись на лужайке, вышивает для пионерской комнаты дорожки, коврики. Ребята любят походы в горы, где так много интересного: крутые, обрывистые скалы, шумные водопады, еловые леса, где можно собрать коллекцию минералов и горных пород, наловить жуков и бабочек, отыскать редкие растения. Юные рыболовы принесли недавно с Пресного пруда в столовую целое ведро сазанов и чебаков.

Больше четырехсот детей рабочих и служащих предприятий Киргизии пройдет в этом году курс лечения в горно-климатическом санатории Чолпон-Ата на берегу озера Иссык-Куля. Редкое сочетание горного и морского климата, высокая солнечная радиация, не уступающая по своей интенсивности знаменитому швейцарскому Давосу, создают в Чолпон-Ата исключительно благоприятные условия для лечения детских туберкулезных заболеваний. Побывав в санатории, ребята хорошо прибавляют в весе, освобождаются от недугов, крепнут. Десятки писем с выражением благодарности за восстановление здоровья детям получает от матерей главный врач санатория Н. Михайленко, четвертый год бессменно работающая в Чолпон-Ата.

В нынешнем году срок пребывания детей в санатории увеличен до двух месяцев.

ЧОЛПОН-АТА,
Иссык-Кульская область,
Киргизия. (Наш корр.)

ШОТЛАНДСКИЕ ГОРНЯКИ В ДОНБАССЕ

«Мы посетили Подмосковный и Донецкий угольные бассейны, и об этом можно рассказать чудеса...»

Так заявил в своем выступлении по московскому радио Уильям Пирсон, руководитель делегации шотландских горняков, посетившей четыре года назад нашу страну.

Чудесами показались тогда шотландцам восстановленные в короткий срок донецкие шахты, высокий уровень их механизации и та большая забота, какую Советское правительство проявляет о труде и быте шахтеров...

...И вот спустя четыре года в Донбасс приехала новая делегация шотландских шахтеров. Ее возглавляет Абрахам Моффат, председатель Шотландского отделения национального профсоюза горняков Великобритании. В составе делегации — инженер по технике безопасности 55-летний Роберт Янг. Ко всему, что его интересует, он присматривается зорким взглядом, ощупывает детали механизмов, нередко достает из кармана серых суконных брюк угломер и производит измерения.

Шотландские гости пожелали прежде всего осмотреть Макеевский научно-исследовательский институт по безопасности работ в угольной промышленности. Приехав в Макеевку, они были удивлены уже одним тем, что институт с его службами занимает территорию в тридцать гектаров.

Гостей пригласили осмотреть сооружения исследовательской станции и оборудование института. При этом был продемонстрирован опыт. Начали поднимать клеть. Вдруг канат оборвался, и клеть с грохотом полетела вниз. Кто-то из гостей испуганно ахнул. Но, не пролетев и пяти метров, клеть остановилась: ее задержал парашют — специальное автоматическое устройство, которым на шахтах Донбасса оборудованы все клети.

— В Англии этого нет, — сказали гости.

— Ваше государство не жалеет средств для охраны труда шахтеров, — заявил на прощанье руководитель делегации Абрахам Моффат.

Кто-кто, а горняки в полной мере могут оценить, какое это великое благо для шахтеров — предохранительная установка на клетях, взрывобезопасное оборудование, приборы для замеров угольной пыли и газов.

Делегация побывала на шахте № 1 «Центральная» в Красноармейском районе. Гости захотели спуститься под землю. Они надели новые парусиновые костюмы, фибровые каски и обулись в резиновые сапоги. Только один маленький подвижной старичок Уильям Дункан, крепильщик с шахты «Рамзей», надел свои, привезенные из Шотландии, тяжелые башмаки на массивной, подбитой гвоздями подошве.

— Сколько вам лет? — спросил его инженер Иван Филиппенко.

— Шестьдесят. Вот проработаю еще пять лет, — гордо добавил старик, — и стану получать пенсию — двадцать пять процентов заработка.

— Вон как? — удивился Филиппенко. — А мне пятьдесят три года, и я уже три года получаю пенсию, притом — в размере пятидесяти процентов своего заработка.

Уильям Дункан посмотрел на него недоверчиво и печально.

Гости спустились в шахту. Они пробыли там несколько часов, проехались на подземном трамвае, видели в работе угольный комбайн «Донбасс», породопогрузочную машину, мощные электровозы... Дункан тоже видел все это, но из его памяти, должно быть, не выходили слова, сказанные советским инженером. Когда шотландцы поднялись наверх, выкупались в бане и пришли в кабинет начальника шахты, чтобы поделиться своими впечатлениями, Дункан сидел усталый и притихший.

Инженер Роберт Янг выражал свое восхищение образцовым порядком в шахте, с восторгом говорил об угольном комбайне, о борьбе с пылеобразованием в лаве, о породопогрузочной машине и подземной вентиляции.

В кабинете присутствовали местные шахтеры, и беседа скоро приняла непринужденный характер.

Шотландец Джеймс Теннисон спросил:

— Какой возраст и трудовой стаж позволяет советскому шахтеру получать пенсию?

Председатель шахткома ответил, что в Советском Союзе пенсию в размере половины заработка получает каждый горняк не моложе пятидесяти лет, проработавший в шахте двадцать лет.

— А есть у вас такой рабочий? — спросил Абрахам Моффат.

— Да вот я, например, — отозвался рослый, статный, с орденами и медалями на мундире почетного шахтера, горняк Мефодий Герасюк. — Мне пятьдесят семь лет...

— И какую же вы получаете пенсию?

— Пятьсот десять рублей. Когда мне назначали пенсию, я зарабатывал тысячу двадцать рублей в месяц.

— А сколько зарабатываете теперь?

— Три-четыре тысячи в месяц.

— Есть еще вопрос, — сказал шотландец, взглянув на Герасюка: — Извините за этот вопрос, но вдруг вы умрете, — что останется вашей жене? Будут ли выплачивать ей вашу пенсию, сохранится ли за нею ваша квартира?

— А как же? — удивился горняк. — Это полагается по закону.

Моффата спросили, какие он заметил в шахте недостатки.

— У нас замечаний нет. Если уж Роберт Янг сказал, что у вас все хорошо, то можете в этом не сомневаться.

Гости засмеялись.

Попросил слова Уильям Дункан.

— Я с удовольствием выскажу несколько мыслей, — заговорил он, поглядывая на переводчика. — На меня произвело большое впечатление заявление, что в вашей стране горняку после пятидесяти лет дают пенсию. А я сорок пять лет проработал в шахте, и мне еще не выплачивают пенсии... Что касается вашей шахты, — добавил он, теребя лежавшие перед ним цветы, — то я скажу: дай бог, чтобы во всех странах были такие!..

Гостей спросили, как обстоит в Англии с питанием горняков.

— У нас все еще существует карточная система, — сказал Моффат. — Шахтер получает в неделю семь унций масла, фунт мяса.

Английским шахтерам приходится самим платить за спецодежду и рабочую обувь, за инструмент и даже за лампу.

Предыдущая делегация шотландских горняков, возвратившись на родину, писала, что в Советском Союзе она видела дома отдыха для шахтеров, где царит атмосфера полного довольства, и что недурно бы и в Англии «подумать над этим вопросом». Шотландцы видели у нас пионерские лагери. «Такие лагери, — писали они, — дают детям возможность провести каникулы действительно весело и в здоровых условиях, и над этим надо подумать и в нашей стране».

Теперь у шотландских гостей спросили, созданы ли в Англии для детей шахтеров летние оздоровительные лагери. Нет, таких лагерей они не имеют, — был ответ. Построены ли для шахтеров дома отдыха, санатории, дворцы культуры? Нет! Все осталось попрежнему, без перемен.

Ал. ИОНОВ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЙ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«О СТРОИТЕЛЬСТВЕ БОЛЬНИЦ»

Министр нефтяной промышленности СССР тов. Н. Байбаков сообщил, что статья проф. А. Бакулева «О строительстве больниц» («Литературная газета» № 78 от 2 июля 1953 г.) была обсуждена на коллегии министерства с участием министра здравоохранения СССР тов. А. Третьякова, представителей ЦК профсоюза рабочих нефтяной промышленности и руководителей главных управлений.

В результате детального обсуждения вопроса коллегия признала, что проф. Бакулев в своей статье правильно указал на неудовлетворительный ход строительства больничных учреждений для работников нефтяной промышленности.

Неудовлетворительное выполнение плана 1952 года обязывало руководителей главных управлений, строительных организаций и предприятий нефтяной промышленности принять необходимые меры к безусловному выполнению плана 1953 года. Однако руководители главных управлений недооценили стоящих перед ними ответственных задач по улучшению медицинского обслуживания нефтяников, и план 1953 года по строительству больниц выполняется неудовлетворительно. При плане ввода в эксплуатацию в 1953 году 1765 больничных коек, за полугодие передано органам здравоохранения 673 койки.

Коллегия отметила, что некоторые руководители главных управлений (Главнефтезаводы — тов. Вовченко, Главнефтемаш — тов. Болдышев, Главнефтепереработка — тов. Болдырев, Главзападнефтедобыча — тов. Оруджев, Главнефтепроект — тов. Аврамец) не обеспечили технической документацией новостройки лечебных учреждений.

Коллегия утвердила список больничных объектов на 1225 коек и график ввода их в эксплуатацию во втором полугодии 1953 года с таким расчетом, чтобы обеспечить безусловное выполнение плана, установленного министерству на 1953 год.

Коллегия решила до 1 октября 1953 года составить проект плана строительства лечебных учреждений на будущий год и обязала проектные организации совместно с главными управлениями — заказчиками составить график выдачи технической документации.

Коллегия наложила взыскания на начальника объединения «Азнефть» тов. Карасева, управляющего трестом «Востокнефтестрой» тов. Шифриса, управляющего трестом «Башнефтепромстрой» тов. Назаренко и предупредила начальников главных управлений, что они несут персональную ответственность за строительство больниц и что министерство не потерпит дальнейшего отставания строительства лечебно-профилактических учреждений.

Выполнение решения коллегии взято под особый контроль, и ход строительства больничных учреждений ежемесячно будет обсуждаться на специальных совещаниях у руководства министерства.

Коллегия отметила также, что ряд построенных и сданных в эксплуатацию больниц не осваивается органами здравоохранения из-за отсутствия финансирования, штатов и кадров медработников.

Министр здравоохранения тов. Третьяков сообщил на заседании коллегии о том, что он примет меры к улучшению медицинского обслуживания работников нефтяной промышленности, и недостатки, отмеченные в выступлениях, будут устранены.

Коллегия Министерства нефтяной промышленности считает, что критическая статья проф. Бакулева о строительстве больниц касается жизненных интересов трудящихся, в том числе и нефтяников, и способствует устранению недостатков в строительстве медицинских учреждений.

ТРЕХКОЛЕСНЫЙ АВТОМОБИЛЬ

Маленький трехколесный автомобиль шоколадного цвета стоит у подъезда. Столичные автолюбители, которых даже красота «зимов» уже не удивляет, не могут пройти и не остановиться около этой новой машины. С интересом разглядывают они ее, обмениваются мнениями:

— Хороша! Я такой еще не видал. Посмотрите — и фара, и стеклоочиститель, и буфер отникелирован.

— А кузов как аккуратно сделан!

— И сиденье мягкое и тент открывается: в ясную погоду дыши, загорай, а от дождя прячься под крышей.

В автомобиль садится водитель. Легким движением руки он запускает мотор, и автомобиль мчится по широкой магистрали Садового кольца.

В годы войны Михаил Григорьевич Зонин был тяжело ранен. Семилетние усилия врачей оказались напрасными — пришлось ампутировать ноги. И в сорок лет подвижный и общительный человек, привыкший работать с людьми, оказался в четырех стенах своей комнаты. А Михаилу Григорьевичу хотелось трудиться в коллективе, быть на людях, все видеть самому.

В этом году Михаил Григорьевич отпраздновал новоселье. Он получил просторную и удобную комнату в центре Москвы, а еще через некоторое время — специальную мотоколяску-автомобиль.

Машина, переданная ему горсобесом, и в самом деле очень удобна. Управляется она только руками. В случае неисправности водитель может, не слезая со своего места, починить двигатель, расположенный позади сиденья. Новый автомобиль-коляска, сконструирован и построен специально для инвалидов на Серпуховском мотозаводе.

В. КРАСИЛЬЩИКОВ

МОСКВА

Фото В. Поспелова

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ
ОБ ИСПЫТАНИИ ВОДОРОДНОЙ БОМБЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

На днях в Советском Союзе, в испытательных целях, был произведен взрыв одного из видов водородной бомбы.

Вследствие осуществления в водородной бомбе мощной термоядерной реакции взрыв был большой силы. Испытание показало, что мощность водородной бомбы во много раз превосходит мощность атомных бомб.

Известно, что Советский Союз уже несколько лет как владеет атомным оружием и произвел соответствующие испытания этого оружия. Как следует из выступления Председателя Совета Министров СССР Г. М. Маленкова 8 августа с. г. на 5-й сессии Верховного Совета, Советский Союз овладел также секретом производства водородной бомбы.

Это сообщение Советского Правительства вызвало многочисленные отклики за рубежом. Некоторые иностранные круги, делавшие ставку в своей политике раньше на монополию США в обладании атомной бомбой, а затем водородной бомбой, стремятся запугать народы тем фактом, что Советский Союз владеет секретом производства водородного оружия, и в связи с этим вызвать тревогу, используя это в целях усиления гонки вооружений.

Советское Правительство считает необходимым заявить, что, как и прежде, для такой тревоги нет никаких оснований.

В соответствии с неизменной политикой Советского Союза, направленной на укрепление мира и безопасности народов, Советское Правительство неоднократно предлагало правительствам других стран провести значительное сокращение вооружений и запретить применение атомного и других видов оружия массового уничтожения, установив в рамках Организации Объединенных Наций строгий международный контроль над этим запрещением.

Советское Правительство твердо стоит на этой позиции и в настоящее время.

МАЛЕНЬКИЕ СТАДИОНЫ

А. ПОЛОВНИКОВ,
корреспондент «Литературной газеты»

Осенью позапрошлого года, вечерами, на пустыре возле дома № 34, на проспекте Майорова, можно было видеть школьников старших классов, учащихся расположенного неподалеку техникума, молодых рабочих и работниц. Они расчищали пустырь, разбирали остатки фундаментов стоявших здесь некогда зданий, выравнивали поверхность площадки.

Затем грузовики привезли на расчищенное место арматуру, тес, бревна, рейки. На бывшем пустыре появились баскетбольные щиты, волейбольные стойки. Площадку опоясала двухсотметровая лента беговой дорожки.

Маленький стадион обнесли сетчатой оградой. У входа прибили вывеску: «Детская спортивная площадка Октябрьского района».

...На днях мы вновь побывали тут. Это — опять пустырь!

От прежнего великолепия сохранились только четыре столба с электропроводкой и разбитыми фонарями, ограда с полусрезанной сеткой да груда погнутой, поржавевшей арматуры, сваленной как попало в яму, вырытую в углу площадки.

Произошло следующее. Октябрьский райисполком, оборудовав спортивную площадку, снял с себя все заботы о ней. Площадка сначала была передана районной детской спортивной школе. Затем она перешла в ведение Дома пионеров и школьников. Потом ее пытались «пристроить» к хозяйству 256-й средней школы. Но все эти кратковременные хозяева видели в площадке лишь источник дополнительных хлопот и затрат и старались избавиться от нее под любым предлогом и как можно скорей. Беспризорная площадка просуществовала кое-как до осени 1952 года. Теперь райисполком ищет уже не просто хозяина площадки, а хозяина-застройщика. Ведь буквально все нужно строить заново!

Октябрьский район — крупнейший центральный район Ленинграда — располагает очень небольшим количеством спортивных баз и площадок.

— Нет у нас места для новых спортивных сооружений, — утверждают здесь. — Район старый, застроен тесно...

Утверждение это верно лишь наполовину. Как ни тесно застроен район, в нем все же есть немало мест, где можно было бы — при ином отношении к делу — оборудовать спортивные базы.

Вот сад при Доме учителя (бывший дворец Юсуповых). Здесь вполне могли бы уместиться и теннисный корт и волейбольные площадки.

Неплохую спортивную базу можно было бы создать на пустующем участке, что в Малковом переулке (как раз напротив райисполкома!). Здесь площади хватило бы даже для футбольного поля.

В заброшенном, запущенном состоянии находятся спортивные сооружения в Октябрьском районном саду. Здесь была когда-то своя лодочная станция, пользовавшаяся в районе хорошей славой. Теперь только полусгнившие мостки на берегу напоминают о ее существовании.

Нет, возможности для развития спортивной сети в районе имеются. Плохо только они используются.

* * *

За последние годы в Ленинграде построено несколько стадионов и спортивных площадок. Еще больше их строится и проектируется. В новых, застраиваемых сейчас городских районах спортивные сооружения создаются в обязательном порядке — по программе, разработанной Управлением по делам архитектуры и одобренной исполкомом городского Совета.

По этой программе, в новых районах строятся и крупные — районного значения — спортивные базы, и мелкие — рассчитанные на обслуживание населения нескольких или даже одного квартала. В каждом новом квартале предусматривается создание больших площадок: для баскетбола и волейбола, городков, массовых игр. Специальные площадки отводятся для детворы. Установлена твердая норма — в среднем на каждую тысячу жителей квартала приходится по 300—500 квадратных метров спортивной площади.

И это — правильное, государственное решение вопроса о спорте.

Ну, а как быть с центром города, с тесно застроенными, старыми районами?

Чем, к примеру говоря, располагает Смольнинский район? В нем, правда, есть две площадки — в Таврическом саду и в саду имени Чернышевского. Но в саду имени Чернышевского висит грозная надпись: «Игра в волейбол запрещена!» А спортивная площадка в Таврическом — это пустое, гладкое поле, посреди которого торчат ветхие, скособочившиеся баскетбольные щиты.

Очень мало внимания обращают в городе на оборудование новых спортивных площадок при домохозяйствах и даже на поддержание в должном порядке уже существующих площадок.

Вот один из примеров. Большой жилищный массив на Кондратьевском проспекте. Здесь — двенадцать корпусов и едва ли не столько же дворов. Жилищный массив этот построен еще в начале 30-х годов.

Идем по дворам. Несколько зеленых аллеек. Кое-где деревья, кустарники. Все остальное — ровная, черная, утрамбованная тысячами ног земля.

Сколько возможностей пропадает втуне в этих просторных дворах. Вообще, сеть спортивных площадок в домохозяйствах необычайно «текуча». Одни площадки «самозакрываются», другие возникают заново.

Попробуйте установить, сколько их сейчас существует в городе? В городском комитете физкультуры и спорта, вместо ответа на этот вопрос, только разводят руками:

— Это точно учесть невозможно. Текучесть слишком велика...

* * *

Почему же так плохо используются существующие возможности расширения спортивной сети? По какой причине спортсменам закрыт доступ в большинство садов и парков, которыми славится Ленинград?

Явно несостоятельны разговоры о том, что спортивные сооружения якобы нарушают стройность городского ансамбля, не «вписываются» в него, а посему должны быть вынесены куда-то к границам городской черты.

Главная причина — это существующее в некоторых городских ведомствах и управлениях отношение к спорту, как к какому-то чужому, постороннему для них делу, причем делу второстепенному. Управление садово-паркового хозяйства и Государственная инспекция по охране памятников возражают категорически против допуска спортсменов в городские сады и парки. Но вот ведь, например, в Таллине в знаменитом петровском Кадриорге с давних пор существуют теннисные корты, зимой парком пользуются лыжники, и, право, он от этого не потерпел ни малейшего ущерба. В Ленинграде же только недавно с великим трудом удалось добиться разрешения проводить тренировки лыжников в трех (загородных!) парках.

Точно так же для городского жилищного управления остаются «чужими» спортивные площадки при домохозяйствах.

И, наконец, третья причина — организационная неупорядоченность и слабость материально-технической базы. Ведь даже крупные спортивные сооружения строятся в городе медленно и плохо. Даже стадион имени Кирова, по сути дела, недостроен. Промышленные предприятия очень медленно осваивают участки, выделенные им для спортивных сооружений, не доводят до конца их благоустройство. Так, например, все еще недостаточно озеленен и благоустроен давно уже открытый стадион Кировского завода, не закончена на нем отделка трибун и т. д. Завод «Электросила» чуть не пять раз менял территорию, отведенную под заводской стадион, а самого стадиона так и не построил.

В Ленинграде есть специальные тресты по строительству, эксплуатации и ремонту жилых домов. Есть даже трест, занимающийся исключительно ремонтом фасадов. Но, так же как и в Москве и других городах, треста, который занимался бы строительством и ремонтом спортивных сооружений, не существует.

Многое следует улучшить в деятельности наших физкультурных организаций. Возможность заниматься спортом должна быть предоставлена всем, кто стремится к этому, независимо от его спортивного «рода оружия», профессии, возраста.

Надо, наконец, открыть дорогу спорту в парки и сады, надо создать спортивные базы на пустующих, незастроенных участках, во дворах домоуправлений, восстановить развалившиеся площадки, по-настоящему наладить использование площадок действующих.

ЛЕНИНГРАД

В МАЛЕНЬКИХ ГОРОДАХ

Специальность и чувство

Чем меньше городок, тем больше пристрастия у старожилов, — да и не только у них, — к его истории. Нет-нет, да и найдется что-нибудь примечательное, чем можно похвастать перед приезжим человеком. А если история городка уходит в глубь времен, да к тому же сохранились памятники старины, то и говорить об этом не приходится! Вас поведут осматривать руины древней крепости, покажут остатки хором или замка, и вы с интересом выслушаете несколько историй о тех, кто некогда обитал за могучими стенами.

Я приготовился к этому, собираясь в Виноградов, небольшой старинный городок Закарпатской области. Нет здесь ни крупных строек, ни прославленных промышленных предприятий, но сохранились руины древней славянской крепости, старинный монастырь и баронский замок.

О некоторых достопримечательностях Виноградова я узнал далеко за его пределами и был приятно поражен, что к памятникам старины эти достопримечательности не имеют никакого отношения. В Карпатах, на территории дома отдыха «Берегвар», в поселке Иршава и в некоторых других местах в этом году были разбиты чудесные цветники, а в областном центре — Ужгороде, на одной из его площадей возник розарий. Люди подолгу любуются красотой пунцовых вьющихся роз, причудливой формой живых ваз и корзин, разнообразием цветов и тем мастерством, с которым они были подобраны садовником. И, подобно тому, как на привлекшей ваше внимание картине вы ищете подпись художника, так и здесь возникает вопрос: кто автор этих цветочных ковров, поражающих глаз своими узорами? Где выращиваются такие замечательные цветы?

И повсюду я слышал одно и то же имя: Федор Черфай из Виноградова.

...Наш автобус остановился в соседнем с Виноградовом городке, чтобы забрать новых пассажиров. Один из них, бритоголовый мужчина с пухлым портфелем, в котором, несомненно, вместе с деловыми бумагами лежали мыло, полотенце, бритвенные принадлежности — предметы первой необходимости командированного, уселся на свободное место у окна.

— Василий Иванович, куда? — окликнул его человек, проходивший мимо автобусной остановки.

— В Виноградов.

— Что же это вы, на вечер глядя? Остались бы переночевать здесь...

— Ну, кто же ночует здесь, — добродушно пробасил пассажир, — если есть возможность ночевать в виноградовской гостинице?

— Это верно, — согласился прохожий. — Вот, поди, у нас и здание лучше, и мебель богаче, не сравнить ведь...

— Зато там — Савицкий!

— В том-то и секрет...

Разговор был прерван сигналом водителя. Автобус покатил по шоссе дальше, и через час я высадился в Виноградове.

* * *

— Достопримечательности? — переспросил секретарь окружного комитета партии Михаил Петрович Мисан и посмотрел в окно...

Был обеденный знойный час, и городок, расположенный на равнине, будто тянулся от зноя в тень Черной горы. Высокая, вся в виноградниках, поросшая по гребню лесом и кустарниками, она главенствовала над равниной и, казалось, как наседка, готова была подобрать под свои крылья белые и желтые, с красными гребешками черепичных крыш, домики городка.

На обсаженных акациями улицах было пустынно; они казались только что прибранными.

— Достопримечательности? — повторил Мисан. — Конечно, можно было бы начать с развалин крепости, древней славянской крепости Коньковград, или с замка барона Перени, где теперь помещается винсовхоз... Но нет, начните-ка лучше, ну, скажем, с домов на улице имени Хрущева, с наших обувной и швейной фабрик, или с гостиницы, или с Федора Черфая с его зеленым хозяйством. Разумеется, все это на несколько сот лет моложе и крепости и замка, но именно они-то и определяют теперь лицо нашего города. Ну, а история — так это по желанию...

Начать все же пришлось с истории. Это была история жизни одного человека; в то же время повторить ее, как свою, могли бы многие другие жители городка. Человеку этому шестьдесят три года. Что он делал большую часть своей жизни?

— Искал работу! — речь старика нетороплива. — Вот перед вами площадь, товарищ, взгляните, какая красивая. Но я помню, когда она не была такой... Здесь, на площади, при пане Бенеше с весны и до глубокой осени ожидал я, кому понадобятся мои руки. Нас собиралось по двести-триста человек. Мы сидели и ждали. Приходили хозяева... Бывало, не только спросят, но еще и пощупают — годишься ли... Случалось, посчастливится — и тебя наймут на виноградники или еще куда-нибудь. Кто жил в Виноградове? Три барона: Перени, Жигмонт, Янош, чиновники, торговцы и такие, как я, батраки... У меня был дом. Невысок я ростом, но в своем доме даже мне приходилось ходить согнувшись — так низок был потолок. В семье было восемь душ, и на всех — одна пара башмаков...

Это рассказал мне Павел Федорович Иванто, рабочий Виноградовской обувной фабрики, человек, обувающий ныне, вместе с двумя сыновьями, зятем и дочкой — тоже стахановцами, по сто человек за смену.

Помимо обувной, в городке есть еще швейная фабрика, мармеладно-консервный завод, пищекомбинат, винсовхоз, промкомбинат и различные артели. Эти предприятия возникли в годы советской власти. Родина оснастила их новейшей техникой, станками и приспособлениями, намного облегчающими труд людей.

Павел Федорович Иванто вызвался познакомить меня с городом. Дневной зной начал спадать. Любуясь молодыми, недавно высаженными вдоль тротуаров серебристыми кленами, мы вышли на главную улицу. Теперь она была оживленной и многолюдной. Матери вывезли в колясках детишек — их много в Виноградове. Открылись после обеденного перерыва магазины — их тоже много в Виноградове. Вы найдете в городе и магазин «Детский мир», и ателье мод, и мастерскую, где в присутствии заказчика починят и отутюжат костюм. На двери одного магазина объявление: «Обувь устаревших фасонов». Продавец стоит в дверях магазина.

— Не густо? — спрашивает его Иванто.

— Что поделаешь, — пожимает плечами продавец, — не хотят отставать от моды...

Павел Федорович Иванто ведет меня к кварталам новых домов. И уж коль скоро мы очутились здесь, да будет мне позволено небольшое отступление.

Недавно мне пришлось побывать в украинских городах Полтаве, Лубнах, Житомире. Кроме многоэтажных зданий, я видел там и индивидуальные дома, построенные из добротного материала — кирпича, черепицы. Но уж очень они невзрачны по своей архитектуре.

И мне хочется обратиться к архитекторам этих городов: приезжайте, товарищи, в Виноградов, посмотрите, как строят здесь; посмотрите, как отлично распланированы домики в две-три комнаты, с верандой, кладовой, ванной. Посмотрите, какими скупыми средствами — облицовкой из цементных брызг, сочетанием окраски, строгой, без всяких излишеств, архитектурной формой — добиваются местные строители того, что ни один дом не кажется похожим на другой. А ведь воздвигаются все они по одному типовому проекту.

В Виноградове тысяча восемьсот двадцать домов. Около трехсот выстроено после войны. Городской архитектор утверждает, что в Виноградове нет уже свободных участков, надо прокладывать новые улицы. Построили себе дома Добрянский, рабочий щебеночного завода, доктор Мадяр, слесарь МТС Ващинец, рабочий обувной фабрики Муцик, да и у самого Павла Федоровича Иванто на Купальной улице стоит новый трехкомнатный, увитый розами дом.

В этом маленьком городке, где раньше были всего одна городская и две начальные школы, сейчас двенадцать учебных заведений, и среди них политехникум и музыкальная школа. В городке два рабочих клуба, кинотеатр, Дом культуры и четыре библиотеки, в том числе две детские — окружная и городская.

Но вот когда заходила речь о Доме культуры, не только у Иванто, но и у всех виноградовчан, с которыми мне приходилось беседовать, доброго слова не находилось. Зал в Доме культуры не плохой, а все же тут неуютно, скучно. Очень редко приезжают артисты из Ужгорода и Мукачева. В лекциях недостатка как будто нет, но в большинстве своем они мало интересны и однообразны по своим темам. Работают в Доме культуры люди старательные, но им не хватает умения, да и помощи они не получают.

* * *

Виноградники на Черной горе дали имя городу. Однако Виноградов еще называют городом роз. И, действительно, куда ни кинешь взгляд, — цветы, цветы, цветы. В этом немалая заслуга Федора Черфая — главного садовника городского зеленхоза. Нет здесь ни малого, ни старого, кто бы не знал этого коренастого и очень подвижного человека, с румяным, моложавым лицом.

Если вам когда-нибудь придется подъезжать к Виноградову по железной дороге со стороны Мукачева, пусть не удивит вас, что все пассажиры устремляются к окнам вагона. Вот уж где поистине море цветов!

...Федор Федорович водил нас по своему «цветочному царству». Канны, гортензии, гвоздика, георгины... Одних роз здесь до сотни сортов!..

— Мой отец был садовником-цветоводом, — говорил Федор Черфай, — и я, как видите, пошел по его стопам. В прежние времена ко мне обращались люди с заказами на букеты для свадеб, на венки для похорон... Но не было того, чтобы мне поручили украсить цветами целый город!..

В этом году Черфай и его бригада высадили на улицах, площадях и новых скверах городка сто семьдесят пять тысяч цветов, три тысячи кустарников, семьсот деревьев. Жаль только, что городской Совет, постоянно заботящийся о благоустройстве Виноградова, не принимает мер к охране насаждений. Из двухсот деревьев, высаженных на улице Шевченко, уцелело лишь сорок...

Федор Федорович Черфай — агроном-консультант Ужгородского горкоммунхоза. В питомнике зеленхоза можно часто встретить цветоводов из других городов и сел округа, приезжающих сюда за помощью и советом.

...Насколько охотно водил меня Павел Федорович Иванто по самому городу, настолько неохотно пошел он со мной в горисполком. Он словно стеснялся чего-то. И лишь когда я побывал в кабинете заведующего благоустройством тов. Сидея, в отделе коммунального хозяйства — у тов. Блохина, мне стала понятной причина смущения Иванто. Да я и сам смутился: обшарпанные столы и табуретки, запущенные, давно, видимо, небеленые стены, грязные коридоры... Ни цветка на столе, ни малейшего намека на чистоту и уют. Просто не верилось, что это было в Виноградове, опрятном, опекаемом теми же товарищами Блохиным и Сидеем городе...

Странно было видеть это в Виноградове, где печать уважения к человеку, заботы о нем лежит на многом, что сделано и делается. Даже самая «бедная» из городских гостиниц Закарпатья — виноградовская «Свобода» — снискала себе славу лучшей.

...Встретил меня солидный мужчина и, пока девушка оформляла документы, стал показывать гостиницу. Мы заглянули в свободные номера — чистые, светлые, с кроватями, застланными белоснежным бельем. Зашли в уютную читальную комнату, где к услугам приезжих — свежие газеты и журналы. И здесь, в гостинице, всюду были цветы, цветы: в номерах, коридоре, на балконе...

— Гостиница-сад, не правда ли? — улыбнулся водивший меня по гостинице мужчина.

Я согласился и спросил:

— Вы кем здесь работаете?

— Здесь? Никем.

Он оказался агрономом, приезжавшим довольно часто в Виноградов в командировку.

Заведует гостиницей Сергей Прокофьевич Савицкий, энергичный, радушный, живой шестидесятидевятилетний человек, отлично знающий, что, казалось бы, такое, на первый взгляд, небольшое дело, как гостиница, в действительности является делом первостепенной важности, раз оно касается удобств, отдыха и, если хотите, настроения советского человека.

— Заведующий гостиницей — не специальность, — сказал мне Савицкий. — Это чувство...

Вспоминая все то, что было увидено мною в Виноградове, я отношу определение Савицкого ко всем, кто, заботясь о людях, трудится в небольшом советском городке у отрогов Карпат.

М. ТЕВЕЛЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

г. ВИНОГРАДОВ,
Закарпатская область

Накануне 125-летия со дня рождения Л. Н. Толстого

Вчера в Союзе советских писателей СССР состоялось заседание комиссии по ознаменованию 125-летия со дня рождения Л. Н. Толстого. Были заслушаны сообщения о подготовке к этой дате в Москве, Ленинграде, Ясной Поляне и Остапове.

Представители Министерства просвещения РСФСР, Главного управления радиоинформации, Изогиза рассказали о выпускаемых изданиях и радиопередачах, посвященных жизни и деятельности великого писателя.

В Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР и в Институте русской литературы (Пушкинский дом) состоятся научные сессии. В начале сентября в залах Русского музея (Ленинград) откроется выставка материалов, связанных с биографией и творчеством писателя. В доме-усадьбе Л. Н. Толстого открывается выставка работ художников, отобразивших в своих произведениях Ясную Поляну.

ОБСУЖДАЕМ ВОПРОСЫ ПОЭЗИИ

О ГРАЖДАНСКОМ ДОЛГЕ

Владимир ОГНЕВ

А. Твардовский прочно вошел в русскую поэзию. Его творчество имеет много последователей. Уже по одному этому разговор о сильных и слабых сторонах его последнего произведения («За далью — даль», главы из поэмы. «Новый мир», № 6, 1953) представляет особый интерес.

Статья поэта А. Чивилихина («Литературная газета» от 11 июля 1953 г.), как мне думается, ставила задачей показать секреты поэтического мастерства Твардовского в последней его работе.

Мне хочется попробовать подробней остановиться на творческом методе Твардовского и в связи с этим на некоторых общих вопросах развития нашей поэзии.

Естественное выражение идеи — свойство большого художника и цельной натуры — находим мы в произведениях А. Твардовского. Творческой манере Твардовского присущи широкая народная основа языка, разговорная интонация, содержательность поэтического подтекста. Стихи Твардовского отличает то дыхание любви к простому человеку, та острота переживания народной боли в годину тяжких испытаний, которые свойственны истинно большому человеку и поэту. Юмор, то лукавый, то печальный, умная улыбка, вера в хорошее, в человека, проникновение в сущность русского народного характера — вот те чистые, благородные черты, которые составляют традицию великой русской литературы XIX века и восприняты поэтом в «Доме у дороги» и «Василии Теркине». Живая творческая мысль, любовь, боль, гнев, искренние до дрожи, и все это — народу, человеку простому, скромному, несущему на своих плечах историю.

Если в 30-е годы в поэзии Твардовского главной темой было крушение психологии индивидуалиста-хозяйчика; если 40-е годы, годы Великой Отечественной войны, дали читателю прекрасную по глубине и выразительности чувства поэму, в которой эпос и лирика слились в повествовании о судьбах народа, вставшего на защиту Родины, то начало 50-х годов ознаменовалось для Твардовского выходом в новую тему — осмысления личного места его самого как поэта, как сына своего народа.

Отличительным качеством последних стихов Твардовского является какая-то тихая, серьезная раздумчивость, более напряженное, сосредоточенное внимание к душе человека.

***

Действие опубликованных глав развивается в двух планах: пространственном и временном. Подмосковье, Поволжье, Урал, Сибирь... А память связывает воедино где-то теряющиеся «в дали обратной» кровавые поля недавно отгремевшей большой войны с тревожными сполохами пожарищ в Корее; первые впечатления далекого, милого деревенского детства, где зрели душевные силы поэта, с мыслями о мощи индустриального Урала, давшего народу железную силу в Отечественной войне. Прошлое России, ее настоящее, ее будущее, картины ее величественных просторов — оба эти плана, скрещиваясь, составляют основу движения стиха. Оставшись наедине с самим собой, в пути, особенно остро ощущает герой масштабность эпохи, тревожность мировых событий:

Я еду. Малый дом со мною,
Что каждый в путь с собой берет.
А мир огромный за стеною,
Как за бортом вода, ревет.

Он над моей поет постелью
И по стеклу сечет крупой,
Дурной безвременной метелью
Свистит и воет вразнобой.

Он полон сдавленной тревоги,
Беды, что очереди ждет.
Он здесь еще слышней, в дороге,
Лежащей прямо на восход...

Так, уже с первых строк мы оказываемся включенными в большой и сложный мир. Но этот мир мы воспринимаем преломленным через личное восприятие его художником. Для Твардовского — это своеобразный психологический процесс, заключающийся в том, чтобы сначала как бы немножко отдалить, отодвинуть от себя этот мир и затем пристально рассмотреть его на расстоянии.

Каков же мир, который открыл нам Твардовский? Образ Родины встает перед нами не только в выражении пространственном. Он живет в русском духе великолепных описаний природы, в истинно русском по щедрости чувства, по ненасытности восприятии жизни:

И ненасытная мечта
В пути находит неизменно:
Две дали рядом — та и та —
Влекут к себе одновременно...

Стожок подщипанный сенца,
Колодец, будка путевая.
И в оба от нее конца
Уходят, землю обвивая,
Две эти дали — как одна.
И обе вдруг душе предстали.
И до краев душа полна
Теплом восторга и печали...

Эти чудные картины по настроению, по силе любви к Родине связывают нас невидимой нитью с образами Лермонтова, Некрасова, Блока. А по своему неукротимому духу открывания нового, по «ненасытности» мечты, по чувству неоплатного долга «перед всем, про что не успел написать»,— разве не родственны эти строки и Владимиру Маяковскому!

Образ Родины в творчестве Твардовского неразрывен с образом ее народа. Быть может, здесь находит олицетворение идея вечности народа.

***

Одно из самых замечательных качеств настоящего искусства — умение показать человеку масштабность его существования на земле, связать великое с малым.

Образ Родины, естественно, вызывает у лирического героя поэмы чувство личного долга перед ней. Как бы перед лицом ее величия советский человек обращается к своей гражданской совести. Всегда ли я был честен и смел, самоотвержен и принципиален? Научился ли я соизмерять свои дела, свои чувства с тем главным в жизни, что объединяет нас всех в единое целое, имя которому — народ? Родина выступает теперь в образе читателя.

Читатель! Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой...

Его верховным судом, как именем Родины, судит поэт духовное мещанство, людей с двойным дном — приспособленцев.

Мещанство — это не то, что люди часто считают погрязанием в мелочах,— жизнь, кстати, во многом и состоит из этих мелочей, прозаичных, но необходимых,— а то, когда эти мелочи составляют цель жизни, т. е. перерастают естественные пропорции.

Сатира не была любимым родом оружия Твардовского. Теперь он не может обойтись без нее. К одним из лучших страниц его новой работы относится глава о месте художника, о роли искусства в нашем обществе. Поэт гневно и едко охарактеризовал тех «творцов, певцов», кто пытливый, живой интерес к жизни народа давно уже заменил мелким расчетом, соображениями личной выгоды, в чьих романах и поэмах

...все похоже, все подобно
Тому, что есть иль может быть,
А в целом — вот как несъедобно,
Что в голос хочется завыть.

Глава эта могла бы быть гораздо весомее и значительнее, если бы поэт еще глубже и определеннее связал тему очищения искусства с общей задачей воспитания непримиримости к приспособленцам и тунеядцам. Искусство — не «служба», говорит поэт. Но и служба — не только «служба». У настоящего человека она — творчество, как всякий свободный труд. Однако в поэме поставлен важный вопрос. Долг нашей литературы, нашей сатиры — углубить и развить эту тему. Задача нелегка. Приспособленец — фигура увертливая, с хорошо подвешенным языком и юркими глазами. Он сам имеет в обычае судить и рядить честных людей. Такой не остановится ни перед чем. Клевета и демагогия — его оружие. Усиленно подчеркиваемая видимость ортодоксальности — его маска. От умного взгляда художника не должно укрыться мертвое, безжизненное выражение этой маски. Приспособленца выдает отсутствие физиономии, а без физиономии, как говорил один тургеневский герой, «нет даже идеального лица; только пошлое лицо возможно без физиономии».

***

В последней работе Твардовского много истинно хорошего, полезного людям, а значит, действенного.

Но, кажется нам, крылья поэзии Твардовского распрямились бы еще шире, если бы поэт активнее, решительнее преодолел некоторые противоречия своего метода. Каковы же эти противоречия?

Поэт, по выражению Маяковского,— «народа водитель, и одновременно — народный слуга». Твардовский охотно принимает последнее, но излишне пассивен в том, что для Маяковского было первым. Он как бы боится стать «водителем» для своего читателя, он не любит и не хочет судить его. Охотнее он ставит **себя** на суд читателя.

Сильная сторона Твардовского — его органичность, неподдельная связь с народом, с землей, его породившей. Такого не выдумаешь! Нельзя без волнения читать прекрасные строки (на наш взгляд, лучшие в поэме) о старой деревенской кузнице. Мысль Твардовского ясна и бесспорна. Только тот, говорит он, кто с детства впитал в себя трудовые навыки, уважение к труду, будет чувствовать себя «как дома» в любой «теме труда». Лишь тот, кто «не только понаслышке» знает о заботах и славе простого труженика, способен расслышать звон «своей кувалды деревенской» в гигантском строительстве нового.

Однако следует все же сказать, что прошлое в этой главе поэмы Твардовского выражено художественно сильнее, нежели настоящее. И не один только этот, но и некоторые другие примеры у Твардовского говорят о том, что эта особенность тормозит постижение поэтом нового; и здесь заложено существенное противоречие. Оно уже очень ясно проступило сквозь строки стихотворения «Новая земля» (1951 г.), где Твардовский, нащупывая новую тему историзма, очень неточно сравнивал нашу Советскую страну с «новой землей», осваиваемой переселенцами. Он писал так:

На новых землях, в стороне, открытой
Для счастья людям, долго жизнь трудна.
И кажется она им необжитой.
И помнится **иная** сторона.

И нужен срок, чтоб здесь **окорениться**,
Чтоб жизнь иною памятью облечь,
И новым детям нужно здесь родиться,
И должно дедам в эту землю лечь...

Все, что относится к первому плану — конкретному переселению,— верно и точно. Но все перенесенное на второй, главный, исторический план становится неверным, неточным.

Новая жизнь действительно долгое время «необжита», но самая эта необжитость не грустит по обжитости прошлого, а чувствует бьющую радость романтики нового, небывалого, романтики освобождения человека! И слово «окорениться» — какое-то чужое здесь, непонятное. Время Комсомольска, Днепрогэса, Кузнецка знает иной, беспокойный пафос: города, люди, отношения творятся, плавятся «в сплошной лихорадке буден». И «иною памятью» облекалась жизнь раньше, несравненно раньше, нежели успевали родиться дети и лечь в землю «деды»...

В последней работе Твардовского, которая вся проникнута идеей устремления вдаль, к новому, это цепляние старого, отжитого проявляется реже, чем раньше, но все же еще нет-нет да и проявляется.

***

Богатство подтекста всегда идет от глубины образа, и его тем труднее исчерпать, чем точнее и конкретнее образ. Конкретность и определенность образа не только не исключает возможности читательской фантазии, но, наоборот, предполагает ее. Так, например, сказано о войне:

Та память вынесенных мук
Жива, **притихшая**, в народе,
Как рана, что нет-нет и вдруг
Заговорит к дурной погоде...

О Волге, которую ждут, прижавшись к оконному стеклу в вагоне:

Она! — И тихо засмеялся,
Как будто Волгу он, сосед,
Мне обещал, а сам боялся,
Что вдруг ее на месте нет.

Первый образ прежде всего предельно точен. Вряд ли нужно сегодняшнему политически грамотному читателю растолковывать смысл «дурной погоды» или смысл определения «притихшая» о памяти войны. Сколько поразительной чуткости в выражении напряженного состояния человека, который получил надежду на мирную жизнь, однажды поверил в нее, но вот теперь снова с тревогой разворачивает газету и включает радиоприемник. Это очень современно, политически и исторически конкретно. И потому поистине общечеловечно. В несколько другом, чисто психологическом плане любопытен и второй образ. В нем предельно точно выражена радость исполнения ожидания. Фантазия способна нарисовать любую другую сходную обстановку, но психологический смысл картины останется верным и для нее.

***

Общее движение Твардовского к более широким темам наложило известный отпечаток на язык поэмы. В лексике ее уже реже встречаются излюбленные поэтом «присказочные» обороты, теркинский говорок: «мол, ты да я, да мы с тобой», «по той одной простой причине», или смысловые повторы типа «тот край и есть такое место, как раз такая сторона». На смену им приходят иные лексические конструкции, намечается тяготение к пушкинскому строю стиха, что порою явственно до безусловности.

Твардовскому присуще очень ценное качество — творческое беспокойство, поиск, молодость души. Мы являемся свидетелями напряженного внутреннего развития его личности. Поэт всегда находился в пути: искал, возвращался, но не сидел сиднем. Образ дороги неспроста сопровождал творчество Твардовского. По ней шел в лаптях Моргунок искать крестьянское счастье, дорога вырвала из дома Сивцова и пошла бить и трепать его, испытывая на верность Родине («Дом у дороги»), на дорогах войны познакомились мы с Теркиным... В лирическом цикле, окрашенном грустью (сентябрь, 1951 г.), Твардовский, с большим доверием, и с некоторой растерянностью, поделившись с читателем тем внутренним кризисом, который суждено ему было пережить, спрашивал себя:

Или опять я собрался в дорогу?..

«За далью — даль» — поэма, которая только начинается, но в ней уже сказано, правда, от лица читателя, но, пожалуй, впервые для Твардовского, так твердо, зло и категорично:

Не соглашусь, не уступлю...

Не уступлю! В этом — новое, завтрашнее для поэта. Он становится тверже, активнее, определеннее, непосредственнее в защите самого дорогого для себя и, добавим, — самого дорогого для читателя.

***

В дороге и наша поэзия. Всех, кто любит ее, не может не волновать вопрос, как она будет развиваться дальше. Хочется, отвечая на этот вопрос и объясняя принципиальный успех последней поэмы Твардовского, сказать следующее.

Что поэт не может не писать, это давно известно. Чтоб читатель не мог не читать,— вот задача. Для этого поэзия должна жить тем, чем живет народ. В общей форме это не ново. Но именно непониманием этой простой истины и объясняются слабости нашей поэзии.

Когда человеку нечего есть, он называет это голодом и каждый раз, когда вновь оказывается в подобном положении, не ломает заново голову над определением своего состояния. Когда же случается, что читателю нечего читать, так как в стихах, опубликованных в журналах, он не находит ничего нового для себя, а, напротив, все давным-давно ему известно, тогда мы, литераторы, называем это все новыми и новыми «проблемами»: традиции, композиции и т. д. и т. п.

Чтобы поэзия стала хлебом насущным, в ней надо думать. Это прежде всего. Опыт классики показывает, что сила настоящей поэзии — не в более или менее умелом запечатлевании отдельных картин действительности, а в установлении новых жизненных связей, активном участии в преобразовании действительности. Большая поэзия всегда ставила и решала вопросы жизни, стремилась к чему-то, за что-то боролась, негодовала и торжествовала. Она была, следовательно, в движении. Недремлющее око гражданской совести — вот душа поэзии. Русская классическая литература была литературой «вопросов»: что делать? кто виноват? Иные поэты решили сегодня, что это — вчерашний день поэзии. А почему? Разве жизнь остановилась? Разве литература и теперь не призвана отвечать, — разумеется, на совсем иные, чем раньше, но столь же, и даже еще более важные, волнующие читателя, острые, а иногда и наболевшие вопросы?

Лучшие произведения советской поэзии потому и вошли в золотой фонд искусства, что они находили непосредственный отклик в действительности, отвечали на вопросы времени и ставили новые вопросы. Последняя работа А. Твардовского встанет в этот ряд большой поэзии потому, что идейный фокус поэмы шире одной лишь проблемы искусства. В поэме поднята проблема отношения к жизни. Твардовский пишет:

Одно, что дорого и любо
Душе, мечте твоей всегда, —
Желанье той счастливой встречи
С тобой иль с кем-нибудь иным,
Где жар живой правдивой речи,
А не вранья холодный дым.
Где все твое незаменимо,
И есть за что тебя любить,
И ты, тот самый, тот любимый,
Каким еще мечтаешь быть.

Что дорого нам в опубликованных главах Твардовского? Страстная и честная исповедь поэта-гражданина. В этом — политическое, воспитательное значение последнего произведения Твардовского. В этом — его принципиальное значение также для всей нашей поэзии.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЗАМЫСЕЛ И ВОПЛОЩЕНИЕ

Свою книгу **«Северный шелк»** (Кострома. 1952. 174 стр.) **К. Абатуров** посвятил «простой, скромной русской женщине, Герою Социалистического Труда Марии Степановне Крутелевой». На титульном листе книги есть подзаголовок: повесть. Этот подзаголовок в сочетании с посвящением и названием книги (северным шелком в средней полосе России исстари именуется лен) определяет авторский замысел: перед читателем художественное произведение о лучших мастерах-льноводах, новаторах колхозной деревни. Заманчивая и достойная тема!

Но с первых же страниц книги читатель начинает испытывать некоторое беспокойство. Конечно, автор знает предмет. Больше того: он с очевидной тщательностью изучил проблемы сельского хозяйства. Это явствует из пространных разговоров его героев о всхожести и протравливании семян, о севооборотах и травосеянии, о способах теребления льна и вспашке под зябь, о преимуществах различных удобрений и о качествах сельскохозяйственных машин. Но чем подробнее рассуждают герои К. Абатурова о технологии выращивания льна и чем обстоятельнее повествует об этом автор, тем больше тревожится читатель.

Тревога переходит в разочарование. Читатель ждал встречи с людьми. Но в книге нет живых характеров. Нет разнообразной и богатой человеческой психологии. Нет борьбы страстей, подлинных обид, горьких ошибок, ярких радостей. Все это подменено вялым и бледным описанием условных персонажей, которых читатель при первом же их появлении безошибочно делит на «передовых» и «отсталых».

Звеньевая льноводческого звена Анна Семеновна Метелева, ее муж, бывший фронтовик Алексей Иванович, парторг агроном Дубов — носители передовых идей научной организации колхозного производства. Председатель колхоза Удалов, бригадир Лука Васильевич, колхозница Фефелова — персонажи до некоторой степени отрицательные, отсталые. Они слегка сопротивляются внедрению новых методов выращивания льна, не сразу понимают необходимость упразднения звеньев при механической обработке земли, сомневаются в пользе укрупнения колхозов. Но читателя не волнуют эти псевдоконфликты, которые, кстати сказать, сам автор с непостижимой торопливостью заглушает при самом их возникновении. Читатель знает: «передовые» персонажи без большой затраты сил убедят в своей правоте «отсталых», и те, устыдясь, к концу книги непременно перекочуют в разряд «вполне положительных».

Лишь один-единственный раз читателя поджидает радость. В коротеньком (всего две странички!) эпизоде с ленивым пахарем Мишиным, когда Метелева, рассердившись, молча отнимает у него плуг и сама берется за дело, герои книги ведут себя естественно и правдиво.

Эпизод этот убеждает, что автор знает живую действительность и мог бы рассказать о ней интересно. Но вместо этого он многие страницы своей книги заполняет почти стенографическими отчетами всевозможных совещаний и заседаний, а о личной жизни своих героев, об их чувствах, о человеческих страданиях и радостях сообщает стыдливой и, к сожалению, не всегда грамотной скороговоркой. Вот Метелева вспоминает о горьком часе расставания с мужем, уходившим на фронт:

«Но, когда пришла пора провожать его в дальний путь, не выдержало сердце. И чем дальше оставалась деревня, тем сильнее щемило его» (?!).

Даже зарождающуюся любовь автор склонен рассматривать с точки зрения «производственной необходимости»:

«Метелева видела, как озорновато (?!) улыбнулась девушка и как задержался на ней ласковый взгляд кузнеца. Глаза их говорили: как хорошо быть вместе! И Анна Семеновна с теплым чувством пошла из кузни. Она была уверена: инвентарь будет отремонтирован через несколько дней».

Книга пестрит неуклюжими и безграмотными оборотами речи. Нельзя же, в самом деле, так рисовать образ парторга:

«Несмотря на отдельные вспышки, вызванные недопониманием некоторых его новшеств, люди все больше уважали его... Он всегда прямо, без ложного заигрыванья (?), говорил с людьми... Она примечала также, что у Дубова до всего доходили руки...»

И главное: нельзя повесть о людях колхозной деревни превращать в отчет колхоза или агротехническое пособие.

Ольга ЗИВ

В НОВОЙ ПОЛЬШЕ

Трудящиеся Польши с гордостью называют Новую Гуту польской Магниткой. С великолепным размахом, со смелым заглядом в будущее, самоотверженно строят они социалистический город и крупнейший металлургический завод.

Но не одни лишь строительные леса говорят о созидании. Приметы и признаки перестройки жизни многообразнее и многочисленнее. Мы видим их во всем — и в первой, яростной пене, взбитой винтами корабля, только что спущенного на воду со стапелей верфи; и в гуле тракторов, там, где обновленная земля сбросила с себя лоскутное покрывало карликовых наделов и полосок; и в том, как звучат веселые молодые голоса под мрачными сводами старинного университета в Кракове: многие студенты — дети бывших батраков, дети пастухов, шахтеров, прачек.

Эта картина повсеместного созидания встает перед читателем сборника **«Рассказы о новой Польше»** (Воениздат. 1952. 148 стр.), вышедшего в «Библиотеке солдата». Рассказы охватывают все последние годы, начиная с незабываемых дней освобождения Польши от фашистского ига.

Богдан Гамера в рассказе «Взгляд на себя» тонко показал, как Мурчак, человек нерешительный, робкий, спасает в дни войны раненого советского танкиста. Мы по-настоящему взволнованы, когда танкист, лежавший в беспамятстве, наконец-то «слегка пошевелил головой, чуть вздохнул и приподнял отяжелевшие веки. Глаза его, сначала мутные и невидящие, медленно набирались живого блеска и сознания... Жадным взглядом впился Мурчак в эти открывшиеся, наконец, ожившие глаза, упорно и торопливо ища слов, которые могли бы принести раненому утешение и показать ему несказанную радость его спасителя».

Генрих Ворцелль в рассказе «Сомнения Сетеха» познакомил нас с крестьянином, который колеблется, стоя на перепутье двух дорог: одна из них ведет в завтрашний день, в земледельческий кооператив, а другая — в прошлое. Нет, не легко, совсем не так легко тягостное сомнение уступает место уверенности, не сразу перед крестьянином открываются такие горизонты и на душе становится так радостно, что он, подобно Кубице, — одному из героев рассказа — может воскликнуть: «Видишь, одна весна на свете, а мне кажется, что две идут. Вот тут, на поле, — он широким жестом обвел вокруг, — одна, а здесь — ударил себя в грудь, — вторая!»

Рассказы «Взгляд на себя» и «Сомнения Сетеха» — лучшие в сборнике именно потому, что характеры героев здесь даны в движении, что их возмужание и рост показаны с той психологической достоверностью и глубиной, которые вызывают полное доверие у читателя; его не заставляют верить в молниеносное перевоспитание героя по мановению волшебного писательского жезла.

Рассказы Яна Курчаба, Станислава Ковалевского и членов литературного коллектива «Строим» передают горячий пафос строителей новой Польши, творцов шестилетнего плана.

Дряхлый старик Петр Кшияк возвращается на свой завод, к своим токарным станкам, он не в силах оставаться в стороне от всеобщего подъема (рассказ Яна Курчаба «Дедушка»). И не в том дело, что «ходит себе этот старичок с тряпкой и масленкой по всему цеху, и как только станок останавливается, — он тут как тут». После того, как дедушка заболел, в цехе долго помнили его, он продолжал оставаться для всех заочным наставником. То и дело слышалось: «Эх, и задал бы тебе дедушка за такую работу!» Или: «Твое счастье, что дедушка не видит, что творится на твоем станке!»

Старое не сдается без смертельной борьбы, классовые враги, борясь с новым, не стесняются в выборе средств. В рассказах С. Ковалевского «Классовая борьба» и «Большой план» показано, как злобствует и вредит враг на шахте «Эльжбета», на фармацевтической фабрике и как этого врага разоблачают.

К сожалению, эти рассказы перенаселены действующими лицами, им очень тесно, они мешают друг другу, и автор лишает себя возможности показать героев так, чтобы запомнились присущие им характерные особенности.

Некоторые авторы сборника рисуют врага только с отталкивающей внешностью. Чужак Спрось — «жирный, с угреватым, толстым носом и маленькими черными усиками...», «с подобострастной улыбкой» («Большой план»). Инженер по прозвищу «Крыса» кричит «тонким, визгливым голосом», его «высохшее лицо... скорчилось и стало походить на крысиную мордочку»; он смеется, «ощерив острые зубы» («Переходящее знамя»), и т. д. Наивно и даже вредно представлять себе подобным образом внешний облик врага, который в жизни, разумеется, имеет самые разные обличья.

Жаль, что составители сборника не представили в нем рассказы, полнее и ярче показывающие рост материального благосостояния трудящихся Польши. Чем ближе знакомишься с Польшей сегодня, чем дольше там живешь и больше путешествуешь, тем с большей радостью убеждаешься: уже сегодня пользуется трудовой человек богатыми плодами новой жизни.

Евгений ВОРОБЬЕВ

КНИГА О НИКОЛАЕ ОСТРОВСКОМ

Достоинство книги **Н. Венгрова «Николай Островский»** (издание Академии наук СССР. 1952. 319 стр.) заключается прежде всего в том, что автор дает серьезный и интересный анализ творческой деятельности талантливого писателя, делает удачную попытку определить его место и роль в развитии советской художественной литературы.

Некоторые критики пытались отрицать существование образа положительного героя в русской классической литературе, а иные не находили его даже и в советской литературе до появления романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Не приходится говорить, насколько эта точка зрения порочна.

Н. Венгров подходит к анализу «Как закалялась сталь» с конкретно-исторических позиций, правильно утверждая, что заслуга Н. Островского заключается в создании типического образа нового советского человека — человека социалистического общества.

Людей этого поколения в 30-е годы можно было встретить на заводах и фабриках, в шахтах и на нефтепромыслах, на колхозных полях, за штурвалами самолетов. Это были ровесники Павла Корчагина: Алексей Стаханов и Петр Кривонос, Паша Ангелина и Мария Демченко, Валерий Чкалов и Полина Осипенко и многие другие.

Николай Островский явился как бы полпредом этого поколения в литературе, но полпредом не единственным: Н. Венгров совершенно правильно называет имена Гайдара и других писателей, чьи судьбы переплетались с судьбой Николая Островского.

Сравнивая биографию Островского и жизненный путь Павла Корчагина, на многочисленных, даже, пожалуй, слишком многочисленных примерах, Н. Венгров доказывает нелепость и вредность сведения романа «Как закалялась сталь» к биографии автора. В книге интересно и конкретно говорится о социалистическом реализме в творчестве Н. Островского, отмечается, что Островский учился у Горького показывать действительность в развитии, смотреть на настоящее из будущего.

Таковы в общих чертах основные достоинства книги, этой наиболее крупной и фундаментальной работы о Николае Островском.

Но, правильно выступая против узко биографического подхода к оценке произведений Н. Островского, автор все же недостаточно анализирует творчество писателя, художественные особенности его книг. Из 300 страниц литературному анализу «Как закалялась сталь» уделено двадцать и примерно столько же — роману «Рожденные бурей». Весьма мало внимания уделено публицистической деятельности писателя, и то немногое, что сказано по этому вопросу, разбросано по разным главам.

Опираясь, главным образом, на последние воспоминания Г. Алексеевой, обильно цитируя их, автор утверждает, что Н. Островский с начала работы над первой своей книгой претендовал на создание обобщенного образа героя нашего времени. Невозможно себе представить, чтобы Г. Алексеева удержала в своей памяти многочисленные высказывания писателя по таким серьезным, специфическим вопросам творчества, в которых она, тогда еще совсем юная, была совершенно не искушена. Создается впечатление, что Островский писал книгу уже сложившимся писателем, в то время как в действительности он лишь постепенно, хотя и стремительно, в ходе работы овладевал мастерством.

Заслуживает внимания и одобрения большая работа автора над библиографией Н. Островского, помещенной в приложении.

Г. ЮРКИН

ЖИЗНЬ В ТЕАТРЕ

Творческий путь старейшей нашей актрисы А. А. Яблочкиной на сцене Малого театра (с 1888 г., то есть в течение 65 лет) по времени разделяется почти поровну между работой в старом, дореволюционном, и в советском театре.

Вспоминая свое прежнее жизненное кредо, изложенное ею в 1914 году словами героини Островского Негиной: «Я актриса... Мне только бы на сцене быть. Разве я могу без театра жить!», сейчас актриса прибавляет от себя: «Когда-то эта реплика Негиной полностью характеризовала мое отношение к сцене. Теперь она мне кажется недостаточной. Я и теперь не могу жить без театра и вне театра, но ограничиться тем, чтобы «только бы на сцене быть», я не могу... Советский актер не может замыкаться в круг своих узкопрофессиональных, чисто театральных интересов».

«Ни одна из артисток прошлого, — пишет далее Яблочкина,— не смогла бы представить себе, что будет такое время, когда она, актриса, станет общественным и государственным деятелем, постоянной участницей самых различных митингов и заседаний, будет держать тесную связь с ребятами — пионерами и школьниками, с молодежью, будет выступать с речами перед профессурой, перед колхозниками, рабочими-стахановцами, солдатами, что ей предстоит выступать в Кремле, что ее высказывания по различным вопросам будут передаваться по радио, наконец, что в печати будут появляться ее статьи...»

Интересные воспоминания **А. А. Яблочкиной («Жизнь в театре»**. «Искусство». 1953, 268 стр.) о своей долгой жизни, об опыте создания сценических образов в классической и советской драматургии представляют собой много поучительного для молодого поколения актеров.

Театральной школы Яблочкина не кончала. Однако необычайная любовь к театру, о которой она сама говорит, упорный творческий труд, поддержка выдающихся мастеров русской сцены помогли ей преодолеть все препятствия на своем пути.

Получить роль в те годы было нелегко: требовалась «протекция». На долю молодой актрисы в большинстве случаев приходились лишь незначительные роли в пустых салонных комедиях и водевилях. Но Яблочкина сама работает над крупными, формирующими актера ролями, старательно «делает» их, а сделанное прячет «в прок». Вот эти-то «кипы сделанных ролей», о которых говорит она, — сделанных, но в большинстве случаев так и не сыгранных,— помогли артистке развить свою сценическую технику.

Большое значение имеет для молодых актеров все, что рассказывает Яблочкина о работе над сценическими образами, о своих наблюдениях над техникой игры. Много внимания уделяет она, например, общению с партнером на сцене — задаче, поставленной в свое время еще Ленским и образно сформулированной О. Садовской: «Ты дай мне крючок — я тебе петельку».

Перед читателем книги проходят образы замечательных русских актеров, с которыми работала или встречалась артистка: Федотова, Ермолова, Ленский, Лешковская. Но здесь хочется попенять на автора мемуаров за скупость, неразвернутость этих зарисовок. Ведь о многих выдающихся мастерах русского театра, которых хорошо знала Яблочкина, в нашей театральной литературе сказано очень мало, сведения о них весьма скудны. Кому же сделать это лучше, как не старейшей нашей артистке, все это видавшей и знающей! Благодаря такой дополнительной работе ее интересные воспоминания во многом выиграют.

Д. ТАЛЬНИКОВ

ПОСЛЕ БУДАПЕШТСКОЙ СЕССИИ ВСЕМИРНОГО СОВЕТА МИРА

„ТЕТРАДИ МИРА“

После будапештской сессии Всемирного Совета Мира, состоявшейся в июне этого года, во Франции развернулась широкая кампания за разрешение путем переговоров всех спорных международных вопросов. Все большее и большее число людей выступает в поддержку решений, принятых в Будапеште.

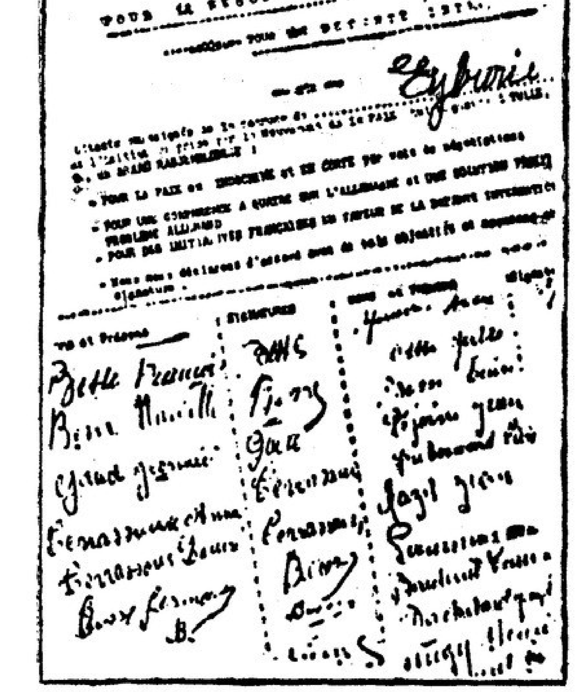
Многообразны формы борьбы французских трудящихся за мирное урегулирование всех спорных международных проблем. На заводах и фабриках сторонники мира распространяют специальные опросные бюллетени: любой рабочий может, таким образом, высказать свое отношение к проблемам, от которых зависит ослабление международной напряженности. В результате такого опроса на парижском предприятии «Минерва», расположенном в районе Нейи-сюр-Сэн, все 227 рабочих высказались, например, за прекращение войны в Индо-Китае.

«Тетради мира», распространяемые французскими сторонниками мира

Особую популярность приобрели сейчас во Франции «тетради мира». В большинстве случаев—это и в самом деле обычные школьные тетради, в линейку или в клеточку, с красной полосой, отделяющей поля, и очень часто даже с таблицей умножения на последней странице обложки. Люди, берущие эти тетради в руки, чтобы написать в них о своей воле к миру, естественно, не могут не вспомнить о тех, кто обычно пишет в таких тетрадях,—о детях Франции, жестоко страдающих от последствий гонки вооружений, о детях, которых нужно уберечь от войны, от бомб, от голода, от сиротства. Не случайно поэтому на обложках «тетрадей мира» фотографии улыбающихся малышей, которым не знакомы ужасы войны, и фотографии искалеченных, осиротевших корейских ребятишек.

Во многих департаментах Франции сторонники мира собирают подписи простых людей, требующих мира и переговоров, на специальных петиционных списках. Но независимо от того, сделаны ли эти записи в ученических тетрадях или в специальных бюллетенях или петиционных списках, люди пишут о самом главном, что волнует их больше всего: о мире.

Листок из «тетради мира»

«Большие белые листы бумаги и школьные тетради переходят из рук в руки, — рассказывает газета «Юманите-диманш». — Почерк, которым сделаны записи, бывает лучше или хуже, у одних фразы составлены более складно, у других — менее. Но каждый пишет то, что он думает. В нескольких словах люди рассказывают о происшедшей в их жизни трагедии — трагедии, вызванной войной: об убитом сыне, о жене, погибшей под бомбами, об ужасных сценах разрушения. Любовь к жизни и к миру ощущается в каждой записи».

Вот несколько записей, сделанных жителями коммуны Лави (департамент Тарн и Гаронна).

Г-жа Караль, вдова, пишет: «Моего мужа не стало во время последней войны. Я осталась одна с четырьмя детьми. Поэтому, как и все честные люди во всем мире, я стою за прекращение войны в Индо-Китае ...Я хочу, чтобы наши дети жили в условиях мира».

Другая надпись, глубоко волнующая своей безыскусной простотой, принадлежит Франсуазе Ожэ, 82 лет: «Три моих сына участвовали в войне 1914—1918 гг. Один был убит, другой попал в плен, третий стал калекой. Еще был убит мой брат».

А следующая запись в той же тетради гласит: «Я подписываюсь за мир, потому что я молод».

В городе Брив первым поставил свою подпись в «тетради мира» пенсионер Фэй. Он написал: «Мой сын находится в плену во Вьетнаме. Вот вам моя точка зрения: я требую окончания войны в Индо-Китае, немедленного прекращения военных действий и заключения соглашения об обмене военнопленных в целях их репатриации. Экспедиционный корпус должен вернуться на родину. Я стою за соглашение между пятью великими державами...».

О том, какие широкие размеры приняла после будапештской сессии массовая кампания за мирное урегулирование спорных и нерешенных вопросов, свидетельствуют следующие факты. К началу августа в 51 населенном пункте департамента Буш дю Рон под резолюцией, требующей прекращения войны в Индо-Китае, было собрано больше 100 тысяч подписей. В городах и селах департамента Эн сотни трудящихся сделали записи в «тетрадях мира»: в Кэсси — 800 человек, в Гиз — 417 и т. д.

«В городе Аск департамента Тарн и Гаронна, — сообщает «Юманите»,— эта бесценная маленькая тетрадка стала передаваться из одного дома в другой по инициативе мэра — независимого социалиста—после того, как муниципальный совет принял резолюцию с требованием проведения переговоров. Все главы семейств подписывались под этим требованием. Кстати, сотни других муниципальных советов уже приняли аналогичные резолюции».

Французский народ глубоко обеспокоен угрозой возрождения реваншистской западногерманской армии. Он хорошо помнит страшные годы гитлеровской оккупации. Жители одного из крупнейших французских городов — Марселя никогда не забудут, как в 1943 году солдаты вермахта разрушали их жилища, а самих марсельцев расстреливали, бросали в тюрьмы, угоняли в гитлеровскую неволю. Суровым напоминанием о бедствиях войны служит фотография, на которой запечатлена сцена расправы гитлеровцев с жителями Марселя и которую сторонники мира распространяют сейчас вместе с петициями, призывающими к переговорам. Над этой фотографией, которую мы воспроизводим, крупными буквами написано: «Мы отклоняем боннский и парижский договоры».

В простых человеческих документах четко и немногословно сформулирована воля честных людей Франции, которые твердо решили преградить дорогу войне. Их воодушевляют заключительные слова Воззвания, принятого Всемирным Советом Мира в Будапеште: «Победа мира близка. От нас зависит добиться ее».

NON
aux accords de BONN et de PARIS
Habitants du Vieux-Marseille
Souvenez-vous
Dites NON
Exigez

«Мы отклоняем боннский и парижский договоры», — написано на этой петиции, распространяемой сторонниками мира в Марселе

Снимки из французской газеты «Юманите-диманш»

Кто такой генерал Шварцкопф

В связи с последними событиями в Иране иностранная печать неоднократно упоминала фамилию американского генерала Шварцкопфа, который недавно неожиданно приезжал в Иран и встречался с шахом.

Кто же такой генерал Шварцкопф?

«Полицейский специалист» Норман Шварцкопф впервые появился в Иране в октябре 1942 года, будучи еще в чине полковника. Он прибыл по приглашению тогдашнего иранского правительства с тем, чтобы «помочь в реорганизации иранской жандармерии и полиции». Американские справочники дают о Шварцкопфе, как и о всяком, кто связан с разведывательной службой США, весьма скупые сведения. Известно только, что он во время первой мировой войны служил в армии, в 1917 году окончил военную академию. В 1921 году Шварцкопф стал одним из руководителей полицейского управления штата Нью-Джерси. В 1940 году вернулся в армию, а в 1942 году, как мы уже писали, появился в Иране в качестве американского «советника».

Военное министерство США выделило в то время для работы в иранской армии в качестве «советника» генерал-майора Кларенса Ридли. А руководство иранской жандармерией было поручено полковнику Норману Шварцкопфу. Шварцкопф и Ридли прибыли в сопровождении специального штата, состоявшего целиком из офицеров и унтер-офицеров американских вооруженных сил.

Вначале американцы не находились на непосредственной службе у иранского правительства, а числились лишь «советниками». Они быстро установили тесные связи с реакционными кругами Ирана.

Шварцкопф и Ридли были не единственными американскими «специалистами», проникшими в те годы в иранский аппарат государственного управления. Как свидетельствует в своей книге «Американцы в Персии»* Артур Мильспо, сам бывший американским советником при правительстве Ирана в период второй мировой войны, правящие круги США уже в те годы проявили «особую заинтересованность» в этой стране. «Правительство США,— писал автор книги,— поощряло наем иранским правительством большого числа американцев на работу в иранский административный аппарат». С этим связывались весьма далеко идущие цели. «Сегодня персидская территория,— подчеркивал тот же Мильспо,— не может больше рассматриваться, как отдаленная от нас и не имеющая отношения к нашим жизненным интересам... Она является критической чертой того нынешнего и будущего мира, за существование которого Соединенные Штаты принимают на себя определенную ответственность».

О том, как понимают определенные круги в США эту пресловутую «ответственность», достаточно убедительно говорит как прошлая, так и настоящая подрывная деятельность Шварцкопфа и ему подобных американских агентов в Иране.

Менее чем через два года после своего прибытия в Тегеран Шварцкопф, оставив скромную должность «советника», непосредственно вступил на пост начальника иранской жандармерии. Затем, в ноябре 1945 года, в связи с подъемом национально-освободительной борьбы иранского народа, этот импортированный из-за океана жандарм снова несколько отходит в тень, перейдя на должность «советника» при главном управлении жандармерии Ирана. Фактически же Шварцкопф сохранил за собой всю полноту контроля над деятельностью иранской жандармерии, которым он обладал, будучи официальным начальником жандармского управления.

Все эти годы Шварцкопф, быстро отыскавший себе союзников и единомышленников среди реакционных кругов Ирана, добивался осуществления двух задач, поставленных перед ним его вашингтонским начальством. Первое: всеми силами и не стесняясь средствами подавлять национально-освободительную борьбу иранского народа. Второе: всячески укреплять позиции американских монополий в Иране. Деятельность Шварцкопфа не осталась незамеченной—шах наградил его медалью «достоинства» второй степени в ноябре 1945 года и медалью «за отличную службу» в июне 1946 года. Не забыли заслуг полицейского «специалиста» и в Вашингтоне. В июле 1946 года Трумэн, являвшийся тогда президентом США, присвоил Шварцкопфу звание генерал-майора.

Но, несмотря на все усилия заокеанских «специалистов» по удушению свободы и подавлению демократических сил, несмотря на террор и антинародную политику реакционных правительств, все эти годы росла и усиливалась борьба народа Ирана за независимость, за освобождение от кабалы иностранных монополий.

Явно напуганный фактом дальнейшего расширения национально-освободительного движения и роста самосознания широких масс, генерал Шварцкопф в начале февраля 1947 года выступил с заявлением, что имевшихся к тому времени 28 тысяч жандармов недостаточно для «успешного обеспечения безопасности и порядка», и потребовал создать четыре новых полка жандармерии. В мае 1947 года сам же Шварцкопф отправился в США, где вел «переговоры» о... закупке нового вооружения для иранской жандармерии на сумму в 25 млн. долларов (предоставленных США, конечно, «в долг» иранскому правительству).

Одновременно Шварцкопф разработал и представил на утверждение иранскому правительству Хакими, как сообщала в то время французская газета «Аксьон», специальный план, предусматривавший, в частности, высылку из Ирана всех демократически настроенных элементов.

В мае 1948 года Шварцкопф был переведен в Западную Германию. Это новое назначение явилось, повидимому, своего рода признанием «достоинств» Шварцкопфа, как матерого жандарма, разведчика и диверсанта. Шварцкопфу нельзя отказать в откровенности. Будучи отозван из Ирана и направлен на аналогичную «работу» в боннской «республике» Аденауэра, он публично признал, что в бытность свою на службе у иранского правительства действовал лишь в соответствии с инструкциями, поступавшими непосредственно из Вашингтона.

Весной 1950 года Шварцкопф уже подвизается в Италии в качестве руководителя военной миссии США. В 1951 году он на некоторое время исчез с «передовых линий» американской политики «холодной войны».

Не случайно иранская печать выражала тревогу по поводу неожиданного приезда в Тегеран американского генерал-разведчика. «Несомненно, — писала 4 августа газета «Бахтар эмруз», — что приезд Шварцкопфа в Иран предпринят не без определенного плана и задания: его встречу с шахом нельзя назвать обычной встречей... Если бы не было в этом приезде хитрого плана и не была замешана политика, то никогда Шварцкопф, особенно в настоящее время, не пожелал бы посетить родину Омар Хайяма. Поскольку Шварцкопф прожил несколько лет в Иране и являлся советником иранской жандармерии, поскольку он изучил все детали политического положения страны того времени и знает, через каких лиц и чего можно добиться, именно ему было предложено направиться в Иран и заняться организацией различных встреч, якобы без определенных политических целей и планов».

Закулисная подрывная деятельность генерала Шварцкопфа в Тегеране — еще одно свидетельство грубого вмешательства агрессивных сил во внутренние дела независимых государств.

М. ПАВЛОВ

* Вышла в Вашингтоне в 1946 году в издании Брукингского института. (Ред.)

По страницам печати

«Гунженьжибао» — Китай; **«Отечествен фронт»** — Болгария; **«Трибуна люду»** — Польша

В ОКРЕСТНОСТЯХ АНЬШАНЯ

Аньшань — центр тяжелой промышленности Китайской Народной Республики. Когда подъезжаешь к городу, перед глазами встает лес заводских труб, окутанные белым паром градирни, домны.

«Но Аньшань,— пишет газета **«Гунженьжибао»,— славится не только как город стали. Очень живописны его окрестности. Рабочие и служащие комбината, их жены и дети в выходной день выезжают в горы, где в лесных чащах расположились дома отдыха».**

Большой популярностью пользуется у аньшаньцев и местечко Цяньшань, в 20 километрах от города. Густой сосновый бор почти скрывает корпуса нового санатория, который примет вскоре первых больных. Удобное шоссе ведет отсюда к целебным минеральным источникам.

«Растет, хорошеет и сам Аньшань,— заканчивает газета.— **Народные власти стремятся создать здесь как можно больше удобств металлургам и их семьям. Вокруг жилых кварталов города и рабочих поселков протянутся вскоре широкие зеленые полосы. Будет высажено свыше 3,5 миллиона деревьев.**

ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ КОМБАЙН

«На востоке все больше светлеет. Погасли последние звезды. Легкий ветерок покачивает тучные колосья пшеницы. С первыми лучами восходящего солнца на шоссе, ведущем к селу Красен, появился трактор с комбайном. Украшенный плакатами и гирляндами цветов, комбайн похож издали на огромный корабль. Увидев машину, кто-то крикнул:

— Идет! Комбайн идет!..»

Большая группа крестьян встречала машину на окраине села, рассказывает газета **«Отечествен фронт»**. Это был первый болгарский комбайн «Димитровец-6», изготовленный с помощью советских специалистов рабочими завода имени Георгия Димитрова в Руссе.

В эти дни на полях трудового кооперативного земледельческого хозяйства села Красен успешно продолжаются испытания болгарского комбайна. И скоро вслед за первой машиной на поля болгарских земледельцев непрерывным потоком двинутся все новые комбайны «Димитровец-6».

НАХОДКИ ПОЛЬСКИХ УЧЕНЫХ

Под стенами древнего Кракова все отчетливее проступают контуры первенца польской шестилетки — гигантского металлургического комбината «Новая Гута». Вместе с тысячами строителей трудятся здесь и археологи.

«Результаты археологических исследований на территории «Новой Гуты»,— рассказывает газета **«Трибуна люду»,— проливают новый свет на историю славянских племен. Найдено большое количество гончарных печей и гончарных изделий, относящихся к IV веку н. э. Археологи установили, что это следы одного из древних поселений славян».**

Результаты раскопок свидетельствуют о высокой степени культуры славянских племен, заселявших эту землю.

В городе Новая Гута состоялся съезд археологов, который подвел итоги всех этих исследований.

Приветствуя съезд, передовик труда Стефан Слыш сказал:

«Мы благодарим вас, людей науки, за то, что вы восстанавливаете картины прошлого нашей родины. Вы учите нас любить нашу историю».

ВОЗВРАТЯСЬ НА РОДИНУ...

Проф. И. АНИСИМОВ

Поездка в Германию

Директор Института мировой литературы имени А. М. Горького проф. И. И. Анисимов во главе советской делегации побывал недавно в Германской Демократической Республике. Публикуем заметки проф. И. Анисимова о его поездке по ГДР.

Незадолго до провалившейся с треском и позором фашистской провокации 17 июня нам довелось быть в демократическом Берлине, в Лейпциге, Иене и Веймаре. Большие впечатления от этой поездки, естественно, приобретают особую окраску после того, как в зловещий «день икс» фашистская нечисть с иностранного соизволения сделала разбойничью попытку уничтожить демократические завоевания в Восточной Германии и превратить Германскую Демократическую Республику в вотчину милитаристов.

Все было учтено организаторами берлинской авантюры, вплоть до радиокомандования фашистскими бандами, вторгшимися на демократическую территорию, но об одной «детали» они позабыли — о народе, о массах.

Западногерманские марионетки и те, кто руководит их каждым движением, ошиблись в расчетах. В ГДР демократия пустила глубокие корни в народную толщу, и в сознании простых людей произошли очень глубокие изменения. Это — прочная, неодолимая демократия, крепнущая с каждым месяцем и годом.

Стремительный политический и культурный рост людей —вот что произвело на нас самое большое впечатление во время недавнего пребывания в ГДР.

Мы присутствовали на IV конгрессе Общества германо-советской дружбы и имели возможность послушать, как выступали рабочие-активисты, по-хозяйски относящиеся к делам своей республики, крестьянки из глухих деревень, поднявшиеся до уровня серьезных государственных деятелей, представители смелой и настойчивой молодежи, выросшей за последние годы. Со многими мы познакомились ближе. Все это были люди новой, небывалой жизни. Их не так просто запугать и сбить с дороги.

Одним из самых наглядных и убедительных свидетельств прочности и глубины демократических преобразований в ГДР является происходящее здесь в очень крупных масштабах приобщение широких масс к культуре. Впервые великие богатства национальной культуры становятся народным достоянием. В атмосфере большого духовного подъема прочно цементируются завоевания демократии, передовые идеи глубоко проникают в сознание масс.

Исключительно велик интерес строителей немецкой демократии к жизни Советского Союза. Трудящиеся ГДР, имеющие широкие возможности получать правдивую и всестороннюю информацию, внимательно изучают исторический опыт нашей страны. Советские издания по самым разнообразным отраслям науки и техники и советская художественная литература широко известны по многочисленным переводам и очень часто в оригинале.

Мне пришлось выступать в университетских аудиториях Лейпцига и Иены, а также на большом собрании интеллигенции в Берлине, и надо сказать, что многие слушатели проявили не только глубокий интерес, но и всестороннюю осведомленность в вопросах советской культуры.

Сообщение о работе Института мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР, которое было сделано по просьбе немецких друзей, нашло живой дружественный отклик профессоров и студенческой молодежи. Многочисленные вопросы, которые были заданы по окончании доклада, свидетельствовали о том, что аудитория очень хорошо знакома с культурной жизнью Советского Союза, с советской литературой и работами советских филологов. Нас спрашивали о перспективах дальнейшего развития взаимного культурного обмена, о выходе той или иной советской книги.

Так, оказалось, например, что немецкие читатели интересуются вторым томом работы С. Макашина о творчестве великого русского сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина. В Иене и Лейпциге настойчиво спрашивали, когда же выйдет эта книга. Довольно любопытный вопрос был задан относительно Большой Советской Энциклопедии. Это издание пользуется высоким авторитетом среди передовых немцев, некоторые статьи из БСЭ выпускаются отдельными изданиями в немецком переводе. Недавно вышла прекрасно изданная и богато иллюстрированная книга «Германия», представляющая собой перевод соответствующего раздела из БСЭ. Но именно особое доверие, оказываемое Советской Энциклопедии, вызывает и особую требовательность. Немецкие читатели хотели бы найти в БСЭ точные (с указанием числа и месяца, а не только года) даты рождения и смерти выдающихся писателей, политических деятелей, ученых. Мне был задан вопрос, почему этих дат не приводит Энциклопедия. Не будучи осведомлен, в чем тут дело, я обещал передать эту претензию по назначению, что и делаю публично, поскольку это интересует и советского читателя.

Исключительный интерес вызывают выходящее в Советском Союзе тридцатитомное собрание сочинений А. М. Горького и предстоящие новые издания немецких классиков.

Все относящееся к Горькому передовые немцы принимают близко к сердцу, и сейчас группа исследователей занимается собиранием материалов, связанных с пребыванием Горького в Германии, стремясь послужить этой работой делу дружбы немецкого народа с народами Советского Союза.

В связи с новым советским изданием Горького немецких филологов интересуют вопросы, имеющие для них не только теоретическое, но и практическое значение: что признается за основной текст при издании сочинений писателя, как относиться к наличию нескольких вариантов одного и того же произведения? Стремясь искоренить текстологический произвол, исследователи немецкой литературы внимательно учитывают наш опыт. В Иене с удовольствием вспоминали встречу с К. А. Фединым, который ярко и обстоятельно изложил советскую точку зрения на вопросы текстологии.

В противовес недавнему еще прошлому, когда в университетской науке господствовал мертвящий формалистический академизм, немецкие филологи уделяют сейчас много внимания теоретическим вопросам. Роль народа в развитии литературы, научная периодизация истории литературы, литература, как надстройка, — таковы, например, темы, по которым просили высказаться в Лейпцигском университете. Состоявшийся обмен мнениями и в Лейпциге, и в Иене, и в Берлине убедительно свидетельствует о том, что здесь дует свежий, бодрящий ветер, что филологическая наука живет большой жизнью.

Как ни хорошо осведомлена была аудитория о культурной жизни Советского Союза, все же некоторые недоразумения приходилось разъяснять. Так, в Лейпциге спросили, запрещен ли в СССР Достоевский? Выслушав сообщение о том, что произведения Достоевского у нас переиздаются, что реакционный характер его творчества подлежит разбору и оценке нашей литературной критики, а не является предметом для разбора в административных инстанциях, присутствовавшие остались вполне удовлетворенными, и еще одной американской «уткой» стало меньше.

Большое внимание привлекают к себе советские исследования в области зарубежной литературы. Многие ожидают с нетерпением только что вышедший у нас новый том «Истории английской литературы», издание которой предпринято Институтом имени А. М. Горького; спрашивают, нет ли новой советской монографии о Стендале (книга А. Виноградова «Стендаль и его время» получила широкую известность); интересуются всем, что советские критики пишут о современной литературе.

И естественно, что особенно большой интерес проявляется к тому, как представлена немецкая литература в Советском Союзе. Многократное издание произведений крупнейших современных писателей и поэтов демократической Германии, внимание советского читателя к творчеству Генриха Манна и Томаса Манна, популярность Бернгарда Келлермана, превосходные издания классиков немецкой литературы, выпуск нескольких монографий о Гёте — все эти факты достаточно убедительно говорят каждому честному немцу о том, что советские люди с глубочайшим уважением относятся к культуре немецкого народа и пристально ее изучают. Это — яркое доказательство дружбы и взаимопонимания народов.

На страницах наших «толстых» журналов постоянно появляются переводы новых произведений прогрессивной немецкой литературы. Я мог, в качестве примера, сослаться на последние номера. Исполненная благородного гуманистического пафоса повесть Бодо Узе «Мост» напечатана в «Новом мире», разоблачающий американскую реакцию роман Фридриха Вольфа «Летающие блюдца» — в «Знамени». Оказалось, что это произведение не известно еще многим немецким читателям, впервые узнавшим о нем из моего пересказа. Зато, когда был задан вопрос, знают ли у нас немецкого писателя Эдуарда Клаудиуса, мне пришлось ответить, что книги его почти не издавались, хотя многим имя этого видного писателя ГДР хорошо известно. Надо думать, советские читатели в скором будущем познакомятся с его произведениями, в частности с романом «Люди на нашей стороне».

Из сообщений печати многим слушателям было известно, что Институт мировой литературы имени А. М. Горького приступил к изданию двухтомной «Истории немецкой литературы». Эта работа вызывает особый интерес, и все хотели бы поскорее видеть ее уже завершенной. Необходимо подчеркнуть, что этот труд потребует еще немало времени и усилий для своего удовлетворительного завершения. Работая над этим изданием, советские ученые осуществляют свой вклад в дело расширения и укрепления братских интернациональных связей между народами.

Поскольку группа немецких филологов, со своей стороны, приступила к составлению «Истории немецкой литературы», то естественно возникли предложения и горячие пожелания установить творческий контакт, обменяться соображениями относительно построения всей «Истории» и научного освещения отдельных ее частей. Ясно, что со стороны советских филологов мысль о творческом сотрудничестве с немецкими коллегами может встретить только самое благожелательное отношение.

Вспоминая о встречах с представителями немецкой интеллигенции, все время оказываешься перед одной всеохватывающей темой: во множестве частных впечатлений и наблюдений раскрывается перед каждым честным свидетелем совершающееся в ГДР демократическое преобразование страны, невиданный подъем культуры, ставшей делом и гордостью народа. Заклятые враги немецкого народа и задумывали свой бандитский «день икс» как покушение на новую жизнь народа. Но они просчитались. Народ отшвырнул их с презрением.

Университеты ГДР производят глубокое впечатление тем, что они стали настоящими народными университетами, широко распахнувшими свои двери перед трудящейся молодежью, которая раньше почти не имела доступа в эти «храмы науки». Сильная духом и смелая молодежь, являющаяся самым замечательным достижением республики, буквально преобразила старые немецкие университеты.

В городах на месте ужасающих развалин строят новые просторные дома. Достаточно посмотреть на Аллею Сталина в демократическом Берлине, чтобы почувствовать дух творчества и мира, которым живет вся молодая республика.

Очень запоминается при посещении этой страны то, что в строительных лесах стоит и древний Вартбург, памятник культуры, также приобщенный к новой жизни. Замок, где Лютер трудился над немецким переводом библии, тщательно реставрируется, освобождаясь от всего нелепого и безвкусного, чем он был испорчен в последующие века. Большие и важные исследовательские работы ведутся во многих других музеях ГДР, в частности в Веймаре, который все более становится городом Гёте, не академического, не олимпийского, а Гёте народного, окруженного любовью и признательностью масс, помогающего строить новую жизнь.

Расцвет культуры в ГДР является ярким свидетельством силы и прочности демократического, подлинно народного строя. Можно только пожелать передовым немецким мастерам культуры, успешно отразившим вместе со своим народом наглую вылазку врага, новых успехов в строительстве ГДР, в борьбе за единую, демократическую, миролюбивую Германию.

Главный редактор К. СИМОНОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б02840.